

В СВОДКАХ НЕ СООБЩАЛОСЬ...

**ВЛАДИМИР
ЗАКОВРЯЖКИН**

**В ШАГЕ
ОТ ВОЙНЫ**

Владимир Петрович Заковряжин

В шаге от войны

Серия «В сводках не сообщалось...»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51367896
В шаге от войны / Владимир Заковряжин: Вече; Москва; 2020
ISBN 978-5-4484-8141-3*

Аннотация

1941 год. Вторая мировая уже началась, Германия вторглась в Польшу, но на политическом поле Европы – обманчивое весеннее затишье. Гитлер, отдыхая на даче в Баварских Альпах, придумывает, как подсунуть Рузвельту важную дезу, и эта задумка дала старт большой игре, в которой столкнулись интересы гестапо, РСХА, а также американской и советской разведок. Глубоко законспирированный советский резидент Сибиряк просто обязан победить в игре, ведь от этого зависит будущее СССР и его собственное. Обо всех этих событиях в романе ветерана органов внешней разведки Российской Федерации, около 20 лет проработавшего за рубежом.

Содержание

Предисловие	6
В шаге от войны	9
Часть I	10
Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	23
Часть II	25
Глава 1	25
Глава 2	29
Глава 3	32
Глава 4	36
Часть III	41
Глава 1	41
Глава 2	46
Глава 3	51
Глава 4	55
Часть IV	61
Глава 1	61
Глава 2	67
Глава 3	73
Глава 4	77
Часть V	79
Глава 1	79

Глава 2	83
Глава 3	90
Часть VI	93
Глава 1	93
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Владимир Заковряжин

В шаге от войны

*100-ЛЕТИЮ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

Знак информационной продукции **12+**

© Заковряжин В.П., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Предисловие

Взяв в руки эту книгу, читатель с первых страниц погрузится в тревожную предвоенную атмосферу – время политических интриг, хитроумных козней иностранных разведок, непростых, а порой и трагических судеб стран, государственных деятелей и маленьких людей. Веселый американский писатель О. Генри как-то сказал, что тот не жил полной жизнью, кто не испытал бедность, любовь и войну. Героям этой книги хватило многого из подобных жизненных перипетий с избытком. И не в силу какого-то случайного стечения обстоятельств, а из-за ожесточенной борьбы с сильным противником, стремившимся любой ценой подставить молодую Советскую Россию под удар нацистской Германии.

Политическую канву романа представляет малоизвестная сверхсекретная операция английских и американских спецслужб, направленная на провоцирование военного столкновения Германии с Советским Союзом еще в апреле 1941 года. В ней отразилось упорное стремление направить гитлеровскую агрессию на восток, против СССР. Советские разведчики, работавшие в нацистской Германии, начинают разгадку этой головоломки, которая приводит их к сложной и опасной борьбе с гестапо. Рискуя жизнью, они делают все, чтобы наша страна не попала в умело и коварно расставленную балканскую западню.

Вместе с тем по своему содержанию книга не является документальным очерком. Это художественное произведение. Как и положено в жанре приключенческой литературы, здесь присутствуют острые психологические дуэли, слежки, погоны, перестрелки и, конечно, любовь. И сами главные герои представляют собой собирательный образ советских разведчиков, работавших в то суровое время. Но совокупная их черта – сделать все возможное и невозможное для обеспечения безопасности страны.

Определенным достоинством книги является и то, что автор отошел от привычного стереотипа изображения советских разведчиков. Их обычно рисуют людьми, целиком погруженными в опасную деятельность, с наглухо задраенными собственными чувствами и эмоциями. Герой данного романа – человек, встретивший в ходе разведывательной работы настоящую любовь. Это глубокое чувство создает для него нелегкую проблему. Опасное задание Центра предполагает сосредоточение всех сил на его успешном выполнении. Но любимая девушка требует к себе внимания и подтверждения ответных чувств. Более того, из-за увлеченности нашего героя встречами с нею возникает острый эмоциональный конфликт в его ближайшем окружении, который чуть было не привел к негативным последствиям. Читателю будет интересно проследить за тем, как в сложных условиях зарубежной работы разрешается этот извечный «треугольник».

Рассказывая о далеком предвоенном времени, автор не

оставляет в стороне и тяжелую атмосферу, которая сложилась в советской разведке после массовых репрессий в стране. Она коснется и главного героя, что придает дополнительный драматизм деятельности советских разведчиков в те тяжелые годы.

Динамичный сюжет произведения заставляет главного героя стремительно передвигаться по различным странам и городам. Вслед за ним читатель сможет ознакомиться с занимательными особенностями и обычаями этих мест. Тем более что они не взяты из рекламных проспектов, а подмечены автором в ходе работы в указанных странах. И все же книга прежде всего о советских людях, разведчиках, которые, как и все, стремились к счастью и хотели наслаждаться мирным небом солнечной весны 1941 года. Но для них война началась задолго до того, как первые немецкие бомбы упали на наши города. Они первыми встали на пути скрытно готовившейся против нашей Родины агрессии и сделали все, чтобы максимально отодвинуть ее. Памяти о них и посвящена эта книга.

Председатель Совета ветеранов

*Службы внешней разведки Российской Федерации
генерал-лейтенант в отставке М.В. Погудин*

В шаге от войны

*Разберись, кто ты – трус или избранник судьбы,
И попробуй на вкус настоящей борьбы.*

В. Высоцкий «Баллада о борьбе»

В начале марта 1941 года мировые СМИ облетело интригующее сообщение о загадочном происшествии на железнодорожном вокзале Белграда. У находившегося здесь с визитом представителя президента США Донована неизвестные похитили бумажник, где помимо денег хранились важные записи. По оценкам обозревателей, предание гласности таких бумаг способно дестабилизировать военно-политическую обстановку на Балканах. Некоторые газеты с юмором обыграли то обстоятельство, что полковник Донован являлся помощником американского президента по разведке и в этом качестве должен был служить образцом бдительности и осторожности. Ехидно отмечалось, что Балканы, конечно, не Чикаго, но и здесь надменным янки «зевать» не рекомендуется. Югославская полиция сбилась с ног, разыскивая преступников, однако безрезультатно. Вскоре интерес к данной истории угас, и она осталась окутана тайной.

Часть I

Зарождение интриги

Глава 1

Секретная встреча в «альпийском гнезде»

За несколько месяцев до этого прискорбного события германский диктатор Гитлер отдыхал в Баварских Альпах. Он предпочитал частенько покидать мрачный и холодный Берлин, чтобы подышать ароматом эдельвейсов и насладиться горными пейзажами на своей вилле в Бергхофе.

Особенно ему нравились вечера. Ночь наступала стремительно и резко, не было полутонов, как это обычно и происходит в горах.

Внизу, в долине, быстро темнело, и чернильная мгла неуклонно поднималась все выше по скалистым склонам. Пока темнота расширяла границы своих владений, горные вершины, кое-где покрытые снежной шапкой, сияли раскаленным золотом в последних лучах заходящего солнца. На какие-то минуты возникала странная неземная красота, и Гитлер любил такие минуты, позволявшие отвлечься от по-

вседневной суеты, ощутить весь мир лежащим у его ног. Думалось легко и масштабно, без особых усилий возникали решения сложных стратегических задач.

После традиционной прогулки к чайному домику в сопровождении избранного круга приглашенных и помощников фюрер обычно проводил некоторое время в удобном кресле на веранде. Отсюда открывался великолепный вид на расprostертую внизу долину.

В хорошую погоду можно было увидеть очертания Зальцбурга и нависшую над ним гору Унтерсберг. По преданию, именно на ней должен был проснуться император Карл Великий и повести Германию к мировому величию. Гитлер имел обыкновение показывать своим высокопоставленным гостям живописный вид на Унтерсберг, напоминая об этом.

В вечерней тишине можно было слышать отдаленный шум воды в горной речке и редкий звон колокольчиков на шее у коров, которых крестьяне загоняли в хлев. «Сейчас они отмоют грубые от тяжелой физической работы руки, – подумалось фюреру, – и пойдут в близлежащую пивную, где за кружкой доброго баварского пива и солеными крендельками начнутся неспешные разговоры о погоде, ценах, урожае и мировой политике».

Его адъютант как-то рассказывал, что до войны с Францией неподалеку от Оберзальцберга располагался большой ресторан, стилизованный в баварском духе. Основной достопримечательностью, привлекавшей иностранных туристов,

был обеденный зал, разделенный стеклянной перегородкой на две половины. В одной датчане, шведы и голландцы с аппетитом поедали знаменитые свиные ножки «штельце», запеченные на огне до хрустящей румяной корочки. В другой, за стеклом размеренно жевали альпийское сено породистые коровы. Животные меланхолично смотрели на людей, туристы тупо разглядывали коров.

Эта история как нельзя лучше иллюстрировала вырождение европейцев и показывала необходимость всячески оберегать от подобной напасти нордическую расу.

Гитлер как раз думал об этом, удобно развалившись в кресле, и любовался живописным закатом, когда выросший бесшумно за спиной адъютант доложил:

– Мой фюрер, прибыл рейхсминистр Риббентроп.

Из долины потянулся дымок растопленных очагов, стала все больше ощущаться ночная прохлада. Пора было покидать веранду, поэтому диктатор без сожаления отложил плед и последовал в дом.

Глава 2

Интрига против Англии

В приемной вытянулся имперский министр иностранных дел Риббентроп, вскинувший руку в партийном приветствии. Гитлер усмехнулся про себя, вспомнив, как, будучи послом в Англии, наглый Риббентроп осмелился на приеме у короля Георга Пятого приветствовать монарха возгласом «Зиг хайль», чем шокировал и венценосную особу, и всю британскую элиту.

Немногие в рейхе знали, что Риббентроп в свое время был кадровым разведчиком, успешно работавшим на Ближнем Востоке и в США. На этом профессиональном поприще он в совершенстве овладел навыками втираться в доверие к людям, влиять на них и – где лестью, где обманом – добиваться своих целей. Любимым его коньком было введение своих противников в заблуждение с помощью тщательно продуманных, внешне безобидных ходов. Отсутствие каких-либо моральных тормозов быстро стало основным жизненным принципом Риббентропа, хотя однажды крепко подкосило его карьеру. В одной из резидентур абвера, германской военной разведки, где он тогда работал, ему было поручено ведение специального денежного фонда, предназначенного для оплаты информаторов. Как-то внезапная проверка вскрыла большую недостачу наличности. По решению

офицерского суда чести Риббентроп был вынужден оставить военную службу и уйти из разведки.

Но изворотливый мошенник не пропал. Вернувшись в Германию, женился на дочери владельца крупной фирмы, торговавшей шампанским популярной марки. Быстро увеличил прибыли и стал финансировать национал-социалистов. Пронырливого дельца заметил Гитлер и приблизил к себе. Навыки Риббентропа оказались как никогда кстати для выполнения некоторых деликатных поручений фюрера. Тем более что министр иностранных дел сумел создать в своем ведомстве тщательно замаскированную и наиболее засекреченную разведывательную службу, известную немногим высшим руководителям рейха как «Служба Риббентропа». В нее он набрал наиболее опытных бывших сотрудников абвера, по каким-либо причинам недовольных своим прежним начальством. Это быстро вызвало ревнивое и даже враждебное отношение к Риббентропу со стороны руководителя абвера Канариса. Шеф СС Гиммлер также не выразил восторга по поводу активности людей Риббентропа на традиционном поле эсэсовской внешнеполитической разведки. Тем более что настырный министр иностранных дел стал оттирать рейхсфюрера от снабжения Гитлера секретной информацией по международным делам. В итоге абвер и 6-е управление Главного управления имперской безопасности, сокращенно РСХА, так пышно именовалась внешнеполитическая разведка СС, перестали делиться с МИДом зарубежной инфор-

мацией. Однако высокая эффективность «Службы Риббентропа» побуждала Гитлера поручать именно ей проведение наиболее сложных и строго секретных акций на международной арене.

...Пригласив министра жестом в гостиную, свое любимое место на вилле, Гитлер отпустил адъютанта, приготовившего стенографировать беседу.

– Записывать ничего не надо, – подчеркнул фюрер. Это относилось и к Риббентропу, который сразу же отложил свой блокнот для заметок. Гостиная не отличалась особой роскошью убранства, если не считать огромного, во всю стену, венецианского окна, из которого открывался живописный вид на тот же Унтерсберг. Окно, изготовленное по личному эскизу Гитлера, было изящным и красивым. Оно составляло предмет тайной гордости фюрера, который считал себя талантливым архитектором и художником. В стороне от большого дубового стола у камина располагались два кожаных кресла, куда и уселись собеседники.

Фюрер был одет по-домашнему, в синюю льняную баварскую куртку с желтым шейным платком и национальные кожаные шорты. Все это свидетельствовало о намерении вести беседу в доверительном спокойном тоне. Помолчав некоторое время, как бы взвешивая еще раз беспокоившую его проблему, Гитлер начал не спеша:

– Дорогой Иоахим! Я думаю, вам не надо напоминать, что еще до войны с Польшей мы договорились с руководством

Англии о целях нашего похода на восток. Англичане согласились с решающей ролью Германии в разгроме большевистской России и необходимостью обеспечить для этого общую границу с Советами. Я, будучи человеком слова, последовательно действовал в данном направлении, устраняя с географической карты промежуточные марионеточные страны – Чехословакию и Польшу. Британцы неоднократно намекали мне по различным каналам, в том числе и по вашим, Иоахим, что решение польского вопроса не повлечет за собой никакого реального военного ответа со стороны западных демократий. Все ограничится очередным словесным поносом осуждений и проклятий. И что же мы получили в итоге? Англичане и французы объявили мне войну.

Риббентроп слегка напрягся.

– Ну да ладно, – успокаивающим тоном продолжил Гитлер. – С французской армией все равно пришлось бы разделаться. Нельзя было оставлять ее в нашем тылу накануне схватки с Россией. Но каковы англичане? Я спас их от полного разгрома, когда они, как стадо баранов, метались по пляжам Дюнкерка. Тем самым я оставил открытой дверь для мира или хотя бы перемирия. Видимо, мое великодушие было истолковано превратно. Я, конечно, не наивный новичок в политике и допускаю, что британские аристократы держат меня за вышибалу в приличном заведении, которому после расправы над русскими хулиганами укажут его место в лакейской.

– К сожалению, вы, как всегда, недалеко от истины, мой фюрер, – осторожно заметил Риббентроп. – Когда я работал послом рейха в Англии, мне передавали саркастические остроты в лондонских клубах о том, что британским солдатам нет необходимости умирать за английские интересы, пока для этого можно нанять германских ландскнехтов.

– Вот-вот, – живо подхватил Гитлер. – Но такому больше не бывать. Именно поэтому в своей речи в рейхстаге я предложил англичанам мир, но как равноправный партнер с учетом того положения, которое заняла Германия после разгрома Франции и фактического поражения Британии. Я рассчитывал, что англичане с пониманием отнесутся к моей инициативе и выполнят свою часть договоренностей, что позволит мне всеми силами ударить по России. Ответ из Лондона на мои предложения был возмутительным по содержанию и хамским по форме. Я долго размышлял о причинах такого упорства англичан. Недавно все стало на свои места. Канарис принес мне расшифрованные абвером телеграммы, которыми обменивались Рузвельт с американским послом в Лондоне Кеннеди. В них американский президент жестко требовал от посла всячески давить на английское руководство, чтобы Лондон обязательно объявил войну Германии после нашего вступления в Польшу и не соглашался ни на какие мирные предложения с нашей стороны. В противном случае Вашингтон угрожал прекращением помощи британцам. Рузвельт прямо указывал послу подложить побольше горя-

чих углей под зад Чемберлену. И тут я понял, что в горячей борьбы мы проглядели истинного закулисного кукловода Англии.

Гитлер явно наслаждался своей речью, хоть и произносил ее не для толпы, а всего лишь для одного слушателя, поэтому Риббентроп не мешал шефу получать удовольствие и даже не пытался вставить хоть слово.

– Одряхлевший Лондон попал в зависимость от Вашингтона, – говорил Гитлер, – и скатывается к положению младшего партнера, вынужденно поддерживающего американские интересы. Их существо сводится к использованию нынешней войны для обеспечения господствующего положения Америки в Европе и мире. Поэтому Рузвельт не позволяет Британии выйти из войны, ведя дело к расширению европейского пожара. Когда англичане, немцы, а затем и русские катастрофически ослабят друг друга, на арену выйдет Дядя Сэм и продиктует обескровленным драчунам свои условия мира. По оценкам Канариса, американский экспедиционный корпус может высадиться в нашем тылу на западе Франции не ранее 1942 года. К этому же времени Сталин планирует завершить свои важные программы перевооружения армии. Как видите, если мы не разделаемся с Россией в 1941 году, нам придется столкнуться с совершенно другими, более мощными противниками, которые могут поставить под вопрос планы блицкрига. Такова вкратце стратегическая ситуация и перспективы ее развития. Что мы мо-

жем противопоставить этому для реализации наших интересов на востоке? Жду ваших предложений, Иоахим, можете высказываться совершенно откровенно.

Получив срочный вызов в Бергхоф, Риббентроп ломал голову над тем, что могло понадобиться от него фюреру. В конце концов он решил, что речь пойдет о внешнеполитических проблемах, и прежде всего об отношениях с Англией. Поэтому некоторые домашние заготовки относительно дальнейших шагов по оказанию давления на Лондон у него имелись. Но в таком широком контексте, который обозначил Гитлер, Риббентроп не был готов немедленно излагать практические предложения. Торопиться в таком деле было бы весьма опрометчиво, поскольку у Гитлера наверняка уже имелись на этот счет собственные соображения. Неосторожные высказывания, противоречившие уже сложившемуся мнению Гитлера, могли бы разрушить с таким трудом сотканную Риббентропом атмосферу доверительности в отношениях с фюрером.

Поэтому Риббентроп решил начать со сжатой констатации того, о чем уже сказал Гитлер. Далее, ориентируясь на его реакцию, можно было бы попросить несколько дней для подготовки конкретных предложений.

– Мой фюрер, – вкрадчиво начал министр, – ваш блестящий анализ ситуации позволяет сделать вывод о том, что главная задача сейчас – добиться от Англии гарантий неприкосновенности наших западных границ на время войны с Россией. Основное препятствие в получении таких гарантий

– позиция Рузвельта. Следовательно, нам необходимо найти подходящие средства, чтобы изменить его позицию. Хотя это будет, видимо, не просто. С американцами возникает все больше проблем. Мне невольно вспомнилось высказывание одного французского писателя о том, что самым большим несчастьем для человечества было открытие Америки.

– Видите, Иоахим, и французы могут быть иногда дальновидными, – слегка улыбнувшись, заметил Гитлер.

– Если вы дадите мне несколько дней для поиска оптимального решения... – продолжил было Риббентроп, но Гитлер не дал ему закончить.

– Не надо искать решения, я его уже принял. Ваши слова убедили меня в том, что вы глубоко понимаете существо проблемы. Это лучшая гарантия, что вы в точности выполните поручение, которое я вам собираюсь дать. Нам надо оказать воздействие на Рузвельта, подсунув ему соответствующим образом препарированный план войны с Россией «Барбаросса». Сфабрикованный документ должен убедить Рузвельта в следующем. Во-первых, у нас все готово для удара по России. Для правдоподобности придется изложить без детализации планируемые нами реальные военные шаги, отраженные в плане. Во-вторых, вторжению в Советский Союз препятствует неконструктивная позиция Англии, отказывающая нам в гарантиях неприкосновенности наших западных границ в период восточной кампании. В-третьих, для достижения наших целей на Востоке нам при-

дется в ближайшее время предпринять высадку вермахта на Британские острова и военным путем устранить английскую опасность. Я уверен, что Рузвельт, получив такой «сверхсекретный документ» о наших «тайных» намерениях и не имея сейчас реальных возможностей для вооруженной помощи Черчиллю, постарается смягчить упорство Лондона. Вам лично, Иоахим, не подключая никаких других сотрудников, предстоит, исходя из понимания конечных целей операции, изготовить препарированный вариант плана «Барбаросса» и доложить его мне. Основная сложность заключается в том, чтобы очень аккуратно и абсолютно правдоподобно продвинуть документ к одному из американских разведчиков, работающих в посольстве США в Берлине. Он должен иметь в Вашингтоне репутацию удачливого охотника за секретами и пользоваться доверием в Белом доме. Я долго размышлял, кому поручить реализацию данной идеи. Начальник гестапо Мюллер и руководитель зарубежной разведки СС Шелленберг пока не имеют опыта тонкой работы в дипломатической сфере и могут наломать дров. А ваше «бюро» уже блестяще выполнило несколько подобных поручений. Я думаю, ваши сотрудники будут на высоте и сейчас.

– Благодарю за доверие, мой фюрер, все будет сделано в полном соответствии с вашими указаниями. Однако мне не дает покоя один вопрос. Не известят ли американцы русских о нашем плане «Барбаросса»?

– Пусть это вас не волнует. Сталин патологически не дове-

ряет англичанам и американцам. Получив такое сообщение от Рузвельта, он в первую очередь подумает, что это англо-американская дезинформация. Ее целью он посчитает попытку поссорить его со мной запугиванием нашими военными приготовлениями против России, чтобы таким образом отвести от Англии угрозу нашей высадки. Более того, если русская разведка затем сумеет добыть реальные сведения о военных аспектах плана «Барбаросса», Сталин и их начнет считать англо-американской дезинформацией. Я думал и о том, что русские могут украсть нашу фальшивку у американцев. И в этом случае мы не проиграем. Поскольку в ней указывается, что мы нападём на Россию только после разгрома Англии, пусть Сталин спокойно ждет такого момента. Тем более внезапным для него будет наш удар. Я полагаю, что рассеял ваши сомнения, Иоахим.

– Вполне, мой фюрер. Есть только одна небольшая просьба. Без содействия гестапо нам будет сложно работать по американскому посольству в Берлине.

– Необходимые указания о всемерной помощи вашим сотрудникам Гиммлер от меня получит. Но помните, что в существо вашей операции он не будет посвящен. Ну, не будем терять времени. Жду доклад о результатах.

Глава 3

Операция началась

Покинув Бергхоф, Риббентроп на машине с охраной прибыл в свой личный поезд, ожидавший его на вокзале в Зальцбурге. Рейхсминистр осуществлял поездки по Германии только на этом поезде, где у него имелся компактный секретариат, секретная связь, врач и повар, а также запас деликатесов и элитного вина из Франции. Еще в молодости работая в одном из германских посольств на Ближнем Востоке, он запомнил на всю жизнь поучение своего посла, аристократа из знатной прусской семьи, все отпрыски которой по мужской линии служили на дипломатическом поприще:

– Запомните, молодой человек. Для безупречной работы любого посольства необходимо только три человека. Знаете каких? – Риббентроп несколько замешкался с ответом. Посол строго посмотрел на него и продолжил: – Это посол, затем повар посла и, наконец, шифровальщик. Присутствие других сотрудников допускается, но не обязательно.

С тех пор рейхсминистр придерживался этой вековой мудрости, добавив в число абсолютно необходимых людей еще личного врача.

Салон-вагон поезда встретил Риббентропа привычным комфортом и уютом. Вначале он внимательно изучил предложения повара по меню предстоявшего ужина, внес неко-

торые изменения и утвердил окончательный вариант. Затем вызвал своего заместителя по разведке Крюгера, которого предусмотрительно захватил с собой из Берлина. Крюгер был опытным оперативником, схватывал проблему с полуслова, и ему не надо было разжевывать прописные истины. Тем не менее рейхсминистр настоятельно подчеркнул:

– Задача, поставленная фюрером, имеет для Германии стратегическое значение. Нам ни в коем случае нельзя опростоволоситься. Задействуйте все ваши доверительные контакты в гестапо и найдите подходящего кандидата для продвижения нашей дезинформации президенту США. Особо предупреждаю, о существовании операции никто, кроме вас, не должен знать. Поэтому ее основную часть вам придется делать самому.

«И самому потом отвечать за все», – тоскливо подумал Крюгер. Но вслух заверил шефа, что приложит все силы для выполнения поручения фюрера. Затем, не теряя времени, на резервном автомобиле министра направился в Берлин. В голове он уже прокручивал варианты предстоящих действий.

Часть II

Охота на «Морского льва»

Глава 1

Опасные мелочи

За несколько недель до этой беседы штурмбаннфюрер СС Хайнц Лемке тоскливо вышагивал из угла в угол по обшарпанной комнате на конспиративной квартире гестапо в одном из рабочих районов Берлина. Квартира предназначалась для встреч со второстепенной агентурой из числа обслуживающего персонала иностранных посольств в столице рейха. Сейчас Лемке поджидал своего агента, известную как Хельга, пожилую добропорядочную немку, работавшую уборщицей в посольстве США. Американцы практиковали набор дворников, уборщиц, водителей среди местных граждан, чем в полной мере пользовалось гестапо для внедрения своей агентуры. Хельга убирала помещения экономического отдела посольства. Одновременно она приносила Лемке обрывки черновиков и личных писем из мусорных корзин в кабинетах. Если беспечные американцы оставляли какие-либо бумаги на столах или в незапертых ящиках, Хельга фотографировала их миниатюрным, максимально простым в обра-

щении фотоаппаратом «Лейка».

«Улов» был не ахти какой, но, как говорится, курочка по зернышку клюет. Постепенно гестапо выяснило, кто есть кто в посольстве и чем занимается. В ходе этой кропотливой работы все большее внимание стал привлекать первый секретарь экономического отдела Роберт Пайнс. Американец вел себя по отношению к послу и другим дипломатам довольно независимо. Прекрасно владея немецким языком, пропадал в рабочее время в городе. Обзавелся тучей знакомых среди различных немцев. Нагло, видимо, чтобы позлить гестапо, оказывал подчеркнутые знаки внимания евреям.

Но не эти фокусы вызывали озабоченность у Лемке и его начальства. Пайнс занимался поддержанием связей с немецкими концернами, в которые еще до войны американские корпорации вложили немалые деньги. Он официально представлял коммерческие интересы американских акционеров и совал нос в производственные планы немецких фирм. А поскольку все концерны главным образом выполняли заказы вермахта, ушлый американец наверняка узнавал о некоторых военных программах, которые не были предназначены для посторонних глаз. Он заводил дружбу с руководящими сотрудниками оборонных предприятий и нахально пытался наладить контакты с офицерами вермахта, которые по служебным делам бывали на них. Собранные на Пайнса по крупицам сведения не оставляли сомнения в том, что он на самом деле является американским разведчиком.

Однако положение американца – дипломата великой державы, поддерживающей нормальные отношения с Германией, – не позволяло гестапо умерить его пыл с помощью стандартного набора несложных, но достаточно эффективных мер. Руководство Лемке приняло решение усилить всестороннее наблюдение за Пайнсом и отсекал от него лиц, имеющих доступ к военным секретам рейха. Соответствующую «накачку» получил и Лемке, от которого потребовали большей внимательности к любым мелочам в поведении Пайнса и, как всегда, творческого подхода к выполнению поставленной задачи.

Проявить творчество в использовании мусорных корзин как-то не получалось, хотя Лемке старался. Но Пайнс был стреляный воробей. Он не оставлял ни в мусорной корзине, ни в ящиках стола никаких обрывков черновиков или личных писем. Стол его после окончания рабочего дня, как жаловалась Хельга, был всегда девственно чист. Однако недаром сказано в Библии: «стучитесь, да и отворится». Лемке мимоходом обратил внимание на слова Хельги о том, что Пайнс постоянно держит закрытым на ключ один из ящиков своего стола.

Если бы американец закрывал все ящики, зацепиться было бы не за что. Но здесь осторожный Пайнс допустил явный прокол.

«Да, и на старуху бывает проруха, – злорадно подумал Лемке. – Что-то ты, дружок, здесь прячешь». Доложив на-

чальству о своих наблюдениях, он получил поддержку в деле организации вскрытия ящика и ознакомления с его содержимым. Разумеется, без разрешения Пайнса. Техническая служба гестапо по фотографии замка, сделанной Хельгой, смастерила отмычку и за два дня, изрядно помучившись, научила даму пользоваться ею.

В ящике стола оказались испорченные черновики служебных документов. Согласно инструкциям, Пайнс должен был каждый испорченный черновик сразу же отдавать сотруднику секретариата для уничтожения. Но он решил избавить себя от постоянной беготни по посольству и накапливал черновики в закрытом ящике стола, отдавая их на уничтожение раз в неделю.

Хельга аккуратно переснимала эти бумаги и приносила Лемке. Правда, результаты не оправдали ожиданий. Черновики представляли собой скучные ответы на запросы Госдепартамента по экономическим вопросам, статистику и переводы статей из немецких деловых бюллетеней. Постепенно интерес к этой макулатуре угас как у Лемке, так и у его начальства. И в этот раз он не ждал ничего стоящего от встречи с Хельгой.

Глава 2

Поспешность наказуема

Время тянулось особенно медленно, видимо, потому, что сегодня была пятница. А каждую пятницу в ресторанчике «Офсайд», недалеко от его дома, собирались члены правления местного любительского футбольного клуба. Достойные люди после решения спортивных вопросов удалялись в отдельный кабинет, украшенный фотографиями лучших игроков и расставленными на полках призовыми кубками, и предавались игре в покер. В шутливой форме они называли свои рандеву покерным клубом «Пенальти». Но, как известно, в каждой шутке есть доля правды. Поскольку приятели играли в так называемый дикий покер, где ставки были в два, а то и в три раза выше обычных, для некоторых участников встречи заканчивались действительно чувствительным финансовым пенальти. И все же после дружеских бесед о футболе за отличным берлинским пивом «Радебергер» и айсбайном с тушеной капустой, щедро сдобренной тмином, время летело незаметно. Как бы ни был Лемке занят по службе, он старался не пропускать эти дружеские посиделки.

Стенные часы пробили семь раз, и в прихожей тихо щелкнул замок. Хельга проскользнула в комнату. Она всегда появлялась без опозданий. Церемонно поздоровавшись, дама собралась было уютно устроиться за столом для неспешно-

го доклада, но Лемке, сославшись на занятость, забрал кассету с фото пленкой и после короткого отчета выпроводил ее. Теперь надо было мчаться в штаб-квартиру гестапо, чтобы оставить материалы в сейфе и потом поспешить в футбольный клуб. Добравшись до своего отдела, он, будучи человеком пунктуальным, зашел в секретариат и зарегистрировал материалы Хельги, о чем впоследствии крепко пожалел. После того, как кассета с фото пленкой оказалась в сейфе, Лемке с чувством исполненного долга отправился в ресторанчик «Офсайд». На следующее утро жена с ним не разговаривала. Это означало, что вчерашняя вечеринка удалась. Видимо, только пара-другая рюмок настоящего на горьких травах бальзама «Егермайстер» в конце вечера оказалась излишней.

Приятные впечатления от встречи с приятелями и небольшой выигрыш несколько вытеснили из памяти кассету с фото пленкой, полученную от Хельги. В суматохе повседневных служебных забот Лемке натолкнулся на нее только в среду. В четверг он отправил ее в техническую службу гестапо на проявление и в субботу получил отпечатанные на фотобумаге снимки какого-то документа. Качество было не ахти какое. Это был рукописный текст на английском языке, перечеркнутый и исправленный в нескольких местах. Лемке узнал почерк Пайнса, который невозможно было читать. Выругавшись про себя, Лемке убил почти полчаса, чтобы разобрать несколько слов о каких-то морских львах. Делать было нече-

го, пришлось отправлять письмо в отдел перевода.

Прошло еще несколько дней. И когда Лемке уже забыл думать об этой бумаге, на него свалился неприятный сюрприз. Однажды дождливым утром при входе в свой рабочий кабинет его поймал дежурный по отделу и с ехидной улыбкой сообщил, что его немедленно желает видеть «боцман». Так между собой сотрудники отдела звали своего начальника, штандартенфюрера СС Франца Штадлера. В молодости он служил во флоте и усвоил краткую и грубоватую манеру общения с подчиненными. Бывал крут, но отходчив. Однако за проступки взыскивал строго, поэтому его побаивались. Все попытки узнать у дежурного, что стряслось, ни к чему не привели. Он и сам ничего не знал. Делать было нечего. Вдохнув побольше воздуха, Лемке постучался и вошел в кабинет шефа.

Глава 3

«Морской лев» всплывает

«Боцман» кивком ответил на приветствие, но сесть не предложил. Это было дурным знаком. Разглядывая какие-то бумаги в папке, шеф спросил, насколько хорошо Лемке знает английский язык. Пока тот собирался с мыслями, как бы половчее ответить, поскольку с языком, конечно, были некоторые проблемы, «боцман» спросил вновь:

– Что вы поняли из той бумаги Пайнса, которую принесла Хельга?

Лемке наконец осознал, откуда дует ветер, хотя это его не особо обрадовало.

– Видите ли, штандартенфюрер, у этого американца отвратительный почерк и я понял только, что речь идет о каких-то морских львах.

– Сами вы тюлень, – в сердцах выпалил Штадлер. – Хотя, может, и хорошо, что вы ничего не поняли. Эта бумага – черновик перевода на английский язык особо секретного документа Генерального штаба Верховного главнокомандования сухопутных войск. О ней уже доложено начальнику гестапо, да, я думаю, и выше. Создана специальная группа для срочного поиска канала утечки информации. Вы будете ей помогать через Хельгу и другую агентуру. Сейчас решается вопрос об установке в кабинете Пайнса подслушивающей аппа-

ратуры. С вами свяжется представитель технической службы. Все его рекомендации выполнять беспрекословно.

– Яволь, мой штандартенфюрер, – щелкнул каблуками Лемке.

– Как так получилось, – пристально глядя на него, продолжил Штадлер, – что документ с момента регистрации провалялся у вас несколько дней? Мне уже пришлось держать за это ответ у начальства. Добыв свидетельства измены подобного масштаба, вы заслуживали награждения. Теперь идите к себе и подготовьте письменное объяснение. Ну а потом посмотрим, что с вами делать.

Четко развернувшись кругом и с понурым видом, Лемке покинул кабинет начальника. В душе он проклинал себя за то, что поспешил зарегистрировать фото пленку. Если бы он сделал это непосредственно перед отправкой в техническую службу, в прошлую пятницу, все бы выглядело совершенно по-другому. Но фортуна распорядилась по-своему, видимо, посчитав справедливым уравновесить веселый вечер с приятелями такой же долей неприятностей.

Дело, однако, приобретало серьезный оборот. После завершения перевода бумаги Пайнса сотрудник немедленно доложил о ее содержании своему начальнику. Тот, не мешкая, пробился на прием к Генриху Мюллеру, начальнику 4-го управления Главного управления имперской безопасности (РСХА), в просторечии гестапо. Еще через час начальник РСХА обергруппенфюрер СС Райнхард Гейдрих позво-

нил начальнику Генштаба Верховного главнокомандования сухопутных войск генералу Францу Гальдеру и попросил оказать всяческое содействие гестапо в выяснении каналов утечки информации.

Собеседники договорились держать чрезвычайное происшествие пока в строжайшей тайне. Гейдрих с удовольствием отметил растерянность в голосе Гальдера, который имел обыкновение с кастовым скептицизмом генштабиста относиться к запросам СС. Сейчас от этого не осталось и следа. «Да, каждый становится покладистым, когда запахнет жареным», — язвительно подумал Гейдрих.

Документ, который переводил Пайнс, был ни много ни мало архисекретной директивой Верховного главнокомандования сухопутных войск о подготовке вторжения в Англию. Операция получила кодовое название «Морской лев». Поскольку злополучная бумага оказалась у американца, приходилось считаться с тем, что стратегический замысел нападения и сроки начала военных действий через неделю-другую станут известны в Лондоне.

С учетом вероятных последствий утечки, колесо чрезвычайного расследования закрутилось стремительно. Гестапо не изобретало каких-то хитроумных ходов, о которых любят писать в книжках про шпионов, а пошло прямым и надежным, как немецкий автобан, путем. Вначале по учетным формулярам быстро установили круг лиц, имевших доступ к документу. Их оказалось не так много: несколько человек

из высшего руководства главкомата сухопутных войск и технических сотрудников канцелярии секретных документов. Генералов пока отложили в сторону и занялись персоналом канцелярии. Чтобы не создавать ненужных пересудов, ночью, когда никого не было на рабочих местах, срочно обыскали их служебные кабинеты. Лемке с двумя другими сотрудниками оперативной группы гестапо достался кабинет заместителя начальника канцелярии майора Тило Хавемана. Сначала Штадлер не хотел включать в группу проштрафившегося гестаповца. Но Мюллер запретил расширять число сотрудников, посвященных в суть дела, и Лемке оказался среди участников сугубо секретной операции по выявлению «крота».

Глава 4

«Крот» найден

Войдя в кабинет, один из гестаповцев сразу же начал ворошить содержимое сейфа Хавемана, другой – занялся его письменным столом. Лемке, сам не понимая почему, инстинктивно потянулся к мусорной корзине, стоявшей у стены. Он сразу же заметил язвительные усмешки коллег. Они как бы говорили: «Ну вот, кто привык копаться в мусоре, того туда и тянет». Лемке покраснел и резко отпрянул от корзины. При этом он задел висевший на стене портрет фюрера, который сдвинулся в сторону. Это маленькое происшествие сопровождалось громовым хохотом коллег. Потерявший душевное равновесие Лемке пытался вернуть фюрера на место, но при этом, видимо, не рассчитал усилия и портрет сорвался. Лемке с трудом успел поймать его, что дало повод для новых шуток и смеха. Старший из гестаповцев сделал грозную мину и заявил, что налицо все признаки покушения на фюрера. Другой тоже отпускал шуточки в том духе, что теперь уже надо бросать обыск и заниматься делом Лемке. Проклиная себя за неловкость, Лемке искал место, куда бы положить портрет. При этом он неожиданно заметил, что с обратной стороны шедевра портретного искусства к картонной подкладке были прикреплены булавкой для штабных карт несколько рукописных листов бумаги.

Раздражение мгновенно сменилось предчувствием большой удачи. Лемке осторожно открепил листы и торжествующим голосом спросил:

— А это что такое?

Коллеги изумленно уставились на него. От недавней шутливости не осталось и следа. Сгрудившись у стола, троица быстро пришла к выводу, что перед ними рукописная копия какого-то документа. Как выяснилось через некоторое время, речь шла о совершенно секретном приложении к плану операции «Морской лев», в котором регламентировался порядок выдвижения воинских подразделений и транспорта на исходные позиции для вторжения. Личность предателя можно было считать установленной. Видимо, он подготовил второй документ для передачи американцу. Но не успел этого сделать.

Утром при следовании на работу Хавемана без лишнего шума затолкали в машину и привезли в гестапо. Начался его допрос с пристрастием. На совещании у Мюллера было принято решение арест Хавемана скрыть от сослуживцев, объяснив его отсутствие срочной отправкой в штаб одной из армейских группировок в Восточной Польше. Ничего необычного в этом не было. На востоке происходила скрытая концентрация немецких войск, и туда периодически отбывали офицеры. Интересоваться их местонахождением не рекомендовалось. Такой вариант позволял успокоить возможных сообщников Хавемана и не дать им повода затаиться или

скрыться. Кроме того, нельзя было исключать, что шпиона начнет разыскивать агентура американцев, если она имеется в Генштабе. На этом ее можно будет выявить. Да и сам Пайнс мог начать интересоваться у знакомых военных местонахождением Хавемана. Обещаниями разыскать майора можно было бы заманить американца в ловушку и собрать улики, необходимые для его выдворения из Германии.

– Но главное, – настойчиво требовал Мюллер, – это связи Хавемана, независимо от их уровня.

Он не мог рассказать подчиненным, что на докладе у Гейдриха перед совещанием шеф вполуха слушал предложения относительно Хавемана и Пайнса. Его прежде всего интересовало, не является ли Хавеман всего лишь посредником между группой оппозиционно настроенных генералов в Генштабе и американцами. О том, что среди высших офицеров вермахта есть недовольные решением Гитлера воевать с Англией, Гейдрих знал давно. У него в сейфе хранилось и постоянно пополнялось дело на «Черную капеллу». Так в гестапо называли «сборище лампасов и сутан» – недовольных генералов и клерикальных политиков времен Веймарской республики, которые через различные каналы пытались заинтересовать англичан и американцев заключением мира с Германией. Они даже предлагали устранить Гитлера и потом совместно с западными союзниками выступить против большевистской России. Гейдриху позарез нужны были документальные доказательства прямого предательства со сто-

роны этих «маразматиков». И случай со шпионажем Хавемана был бы как нельзя кстати, если бы вскрылась его связь с «Черной капеллой».

Он энергично вбивал в голову Мюллера мысль об особой важности данного направления работы. Хотя шеф гестапо не нуждался в подобных «накачках». Мюллер отлично понимал, какие могущественные козыри появились бы в руках Гейдриха для расталкивания конкурентов на политическом олимпе рейха, если бы удалось получить доказательства измены в высшем генералитете вермахта. Однако от желаемого до действительного, как говорится, дистанция огромного размера. Хавеман после жестоких пыток признался, что сам установил контакт с Пайнсом в теннисном клубе Берлина. Его подтолкнуло к этому твердое убеждение в ошибочности войны с Англией. Две нордические расы вместо взаимного уничтожения должны были, по его мнению, объединиться в борьбе с большевистской Россией. Все это звучало неплохо, где-то даже симпатично. Но он наотрез отрицал наличие каких-либо сообщников. Как ни пытались следователи гестапо подвести его к мысли, что нужно рассказать о высоких покровителях и получить снисхождение, оказавшись в роли простого подневольного исполнителя, ничего добиться не удалось.

Целая свора гестаповских ищеек кинулась отслеживать связи Хавемана. Однако улов оказался весьма скудным. Майор был одиноким холостяком, человеком замкнутым.

Родители его давно умерли. Из родственников отыскивали только неродного брата, Вильфрида Лоингера, профессора германской филологии Берлинского университета, автора нескольких популярных книг о мифах и сказаниях Древней Германии. Да и тот из-за неарийского происхождения недавно был уволен и оказался в концлагере. Так что и здесь отыскать генеральские «корни и нити» можно было только при очень буйной фантазии. Следователи гестапо, как люди сугубо практичные, этим не страдали. Мюллер чувствовал, что при всем рвении его сотрудников Гейдриха придется разочаровать. Оставалось ждать каких-то действий со стороны Пайнса, чтобы попытаться скомпрометировать американца и добиться его выдворения. Дело вытанцовывалось в тривиальный шпионаж, и выжать из него солидные политические дивиденды вряд ли получится, полагал шеф гестапо.

Часть III

Наживка для американцев

Глава 1

Загадочная Беседа в таверне

Пока в недрах Главного управления имперской безопасности кипели страсти, в небольшой таверне «Старый Бремерхафен», на тихой улочке вдали от центра Берлина, два господина средних лет не спеша наслаждались изысканной рыбной кухней. Таверна была со вкусом стилизована под морской парусник. Барная стойка представляла собой капитанский мостик. Окна заведения были сделаны в виде иллюминаторов. На стенах, увешанных старыми сетями и спасательными кругами, блестели надраенной латунью корабельные часы и барометры. Бар украшала настоящая рында (корабельный колокол), к языку которой был привязан конец пенькового шкота. Завсегдатаи таверны знали, что посетитель, задевший даже случайно шкот и спровоцировавший мелодичный звон рынды, был обязан выставить всем присутствующим выпивку. Попытки отказаться приводили к тому, что бармен отрезал у провинившегося кусок галстука и прибивал его на стену. Пестрый орнамент из остатков галстуков

красноречиво свидетельствовал о том, что не все посетители были готовы идти на такие финансовые жертвы.

Но все это было в прошлом. Сейчас посетителей было мало, в основном завсегдатаи, отвертевшиеся от армии. Да и с деликатесами становилось все труднее. Война с Францией принесла с собой продовольственные карточки, дефицит и эрзац-кофе, который, как заметил один острослов, «пить без болезненной гримасы могли только низшие расы». Хозяину ресторана, чтобы держать марку, удавалось доставать кое-что из деликатесов, но они стоили сейчас бешеные деньги и не всем были по карману. Тем более ему было сегодня приятно смотреть, как два солидных господина заказывали выпивку и блюда, как в старые добрые времена.

Один из них, располневший, с круглым, покрасневшим от спиртного лицом, явно наслаждался приятным вечером, обстановкой и подававшимися блюдами. Он не спеша выкушал изысканный буйабес по-марсельски, выпив при этом охлажденную на льду рюмку норвежской водки «Аквавит Линия». Напиток был знаменит тем, что каждая бутылка после розлива обязательно пересекала экватор в трюме корабля. За это время аквавит под воздействием плавно менявшейся температуры приобретал коричневатый цвет и тот незабвенный букет, который так ценят знатоки, главным образом из числа моряков. Судя по непритязательному костюму, манере держаться и выбору блюд, гость был, как предположил наблюдательный хозяин, скорее всего, бывшим моряком. Сей-

час он смаковал очередную рюмку аквавита и наслаждался североморскими устрицами.

Его спутник, напротив, был худощав. Лицо имело желтоватый оттенок человека, мало бывающего на воздухе. Черные гладкие волосы с проседью, две глубокие складки около рта и колючий взгляд придавали лицу жесткое напряженное выражение. Незнакомец занял место лицом ко входу и внимательно разглядывал каждого входившего в таверну посетителя. Многоопытный хозяин сразу понял, что гость – человек тертый, готовый ко всяким неожиданностям. Сейчас этому посетителю явно не хотелось, чтобы какой-либо случайный знакомый увидел «морняка» в его компании.

Одет «коршун», так его про себя окрестил хозяин, в отличие от своего собеседника, в дорогой, но не броский костюм, к которому со вкусом были подобраны рубашка и галстук. И гастрономические вкусы «коршуна» были более утонченными. Он заказал дорогое мозельское вино и приготовленные в чесночном соусе виноградные улитки, затем – свежую люнебургскую спаржу. Поскольку он сам собирался оплачивать ужин, ему, видимо, было что-то нужно от «морняка». Манера говорить вполголоса и замолкать, когда подходил официант, свидетельствовала о не вполне законном характере гешефта, который обсуждали собеседники.

Поразмыслив, хозяин решил, что «коршун» – управляющий крупным отелем, а «моряк» – чиновник из таможенного ведомства. «Коршун», видимо, подбивал таможенника

прикрыть один глаз на небольшую контрабанду деликатесов, необходимых для отеля. Подобная ситуация была хозяину хорошо знакома и повернула его мысли на не совсем радужные перспективы поддержания на плаву собственного дела.

Эти невеселые размышления отвлекли его внимание от интересной пары, а тем временем собеседники успешно справились с блюдами и напитками и перешли к кофе с французским коньяком. «Коршун» протянул «моряку» кожаный, украшенный монограммой кисет с сигарами. «Моряк» откинулся на спинку кресла и с удовольствием закурил одну из них. По характерному терпкому запаху хозяин таверны определил, что это была настоящая гаванская сигара, никак не хуже, чем «Коиба».

«По нынешним временам сущее сокровище», – подумал он. Сам «коршун» выложил на стол изящную коробочку с трубочным табаком «Дэниш трюффель» и отлично обкуренную пеньковую трубку. Господа некоторое время блаженно курили, изредка пригубливая коньяк. По ресторанчику поплыли слоистые облачка дорогого табака и довоенный аромат фешенебельного заведения. Наконец гости приступили к деловой части беседы. Они понизили голоса и наклонились друг к другу.

«Переговоры о контрабанде и дележе выручки начались», – усмехнулся про себя хозяин. Проницательность подвела его совсем немного. «Коршун», управляющий фешенебельным отелем, как полагал хозяин таверны, оказался на

самом деле одним из руководителей «Службы Риббентропа» Конрадом Крюгером. А «матрос», якобы таможенный чиновник — всего-навсего начальником отдела гестапо по борьбе со шпионажем Францем Штадлером. Этих солидных господ связывало многолетнее знакомство.

Глава 2

Решение найдено

Давным-давно один молодой немецкий матрос, находясь в увольнении на китайском берегу, метнул пивную кружку в голову местного официанта. Голова китайца оказалась недостаточно прочной для такого испытания. Моряку грозил солидный тюремный срок, если бы вовремя не вмешался молодой сотрудник германского консульства. Где угрозами, а чаще всего подношениями он сумел выволить соотечественника из китайского застенка. Конечно, не бескорыстно.

Этот оборотистый консульский чиновник, конечно же, был Конрад Крюгер, трудившийся на каменистой ниве германской разведки. Ему срочно нужен был связник, совершавший регулярные рейсы между Германией и Китаем для доставки в фатерланд добытых разведывательных материалов. Им и стал незадачливый гуляка с гамбургского танкера Франц Штадлер. Затем их деловые отношения продолжились и в других странах. Именно Крюгер своевременно подсказал Штадлеру, что с морской стихией пора заканчивать и для солидной карьеры самое время вступить в СС. Он же помог бывшему моряку устроиться в гестапо. В свою очередь Штадлер по старой дружбе делился с Крюгером некоторой информацией о работе гестапо по отдельным иностранным посольствам в Берлине, которые интересовали разведчика.

Приятелям приходилось скрывать свои «консультации» от руководства гестапо, поскольку с учетом отношений между Гиммлером и Риббентропом это могло плохо кончиться для Штадлера, а малопопулярная таверна «Старый Бремерхафен» хорошо подходила для беседы без посторонних.

– Франци, – доверительно начал Крюгер, – нужна твоя помощь по одному важному делу. Ты лучше меня знаешь обстановку в американском посольстве. Я должен срочно найти там активного разведчика, который был бы на хорошем счету в Вашингтоне.

– Ты что, надумал предложить свои услуги американской разведке? – добродушно рассмеялся Штадлер.

– Подожди шутить, мне сейчас не до этого, – нахмурился Крюгер.

– Но позволь, ты слишком широко ставишь вопрос, – возразил Штадлер. – Чтобы на него конкретно ответить, мне надо хотя бы в общих чертах знать, для чего тебе понадобился такой американец. Если ты вознамерился его завербовать, то ничего подходящего нет. В противном случае наша контора давно бы уже прибрала его к рукам.

– Видишь ли, – осторожно подбирая слова, продолжил Крюгер, – моему начальству необходимо протолкнуть в Вашингтон одну фальшивку, но так, чтобы она с гарантией попала на самый верх. Больше я тебе ничего сказать не могу, дело находится на контроле у фюрера. Хорошо бы, конечно, найти среди связей такого американца человечка, через ко-

торого можно было бы ее подсунуть их разведке. Я понимаю, что тебе понадобится время для того, чтобы собрать подобные сведения. Настоятельно прошу сделать это как можно скорее.

– Да, – задумчиво заметил собеседник, допивая коньяк, – сложную ты подкинул мне задачку. И времени для ее решения действительно потребуется много – как раз чтобы еще раз наполнить этот бокал.

Штадлер загадочно улыбнулся и с удовольствием выпустил струйку ароматного дыма.

– Послушай, Франци, оставь свой легкомысленный тон, дело действительно серьезное.

Штадлер вынул сигару изо рта и продолжил в том же духе:

– Видимо, в Библии не зря сказано: «имеющему да добавится, а у неимеющего – отнимется».

При этом он с сожалением посмотрел на свой пустой бокал, а Крюгер, ничего пока не понимая, дал знак хозяину таверны подлить еще.

– Тебе, Конрад, как всегда, удивительно везет, – с легкой завистью в голосе продолжил Штадлер. – Представь себе, такой американец есть. Более того, отыскался и его помощник – немец, который сейчас у нас.

И гестаповец неспешно рассказал о Пайнсе и майоре Хавемане. Он под большим секретом сообщил, что удалось наладить подслушивание кабинета Пайнса и узнать кое-что интересное для Крюгера. На днях из Вашингтона приехал

коллега американца и неосторожно поделился впечатлениями об оценке его информации. По словам гостя, последний материал об операции «Морской лев» наделал фурор в Вашингтоне. «Дикий Билл», так в американской разведке за глаза называли ее руководителя Донована, доложил о документе президенту Рузвельту.

По мере того как Крюгер слушал Штадлера, у него в душе крепло ощущение невероятной удачи. Без каких-либо затейливых комбинаций удалось с ходу создать реальную основу для успеха всей операции. Нетерпеливо прервав повествование гестаповца, он спросил:

– Надеюсь, ваши костоломы не сделали из Хавемана калеку? Он в рабочем состоянии?

Ответ собеседника несколько насторожил:

– Скорее всего, он в относительной норме, хотя его допрашивают следователи гестапо и точно о состоянии Хавемана я не в курсе.

«Ничего, – подумал Крюгер. – В любом случае за недельку удастся привести его в божеский вид и начать игру с Пайнсом».

Он тепло поблагодарил приятеля за ценные сведения и предупредил, что, скорее всего, завтра появится в гестапо для знакомства с делом Пайнса и Хавемана. Зайдет он и к Штадлеру. Поэтому не стоит при начальстве и подчиненных как-то показывать, что они друг с другом давно знакомы.

Штадлер удивленно заметил, что эти дела в центре вни-

мания руководства и для их передачи необходимо указание не менее чем Гиммлера, но Крюгер успокоил его, пообещав, что все необходимые полномочия у него будут.

Глава 3

Подготовка к «большой игре»

На следующее утро Крюгер уже докладывал Риббентропу составленный за ночь план операции. Его существо составляла лапидарная идея – быстро завербовать Хавемана, пообещав ему смягчение наказания, и через него восстановить контакт с Пайнсом. Далее продвинуть через Хавемана дезинформационный материал американцу. Риббентроп вначале недоверчиво, а потом с возрастающим интересом изучил план и без возражений утвердил его.

– Без выкрутасов и эффективно, – оценил он бумагу. – По своему опыту знаю, что именно такие ведущие прямо к цели мероприятия обречены на успех. Необходимые полномочия от Гиммлера получите завтра. Действуйте.

На следующее утро Крюгер договорился с секретарем начальника гестапо Мюллера о своем визите в это мрачноватое заведение. Секретарь попросил зайти вначале к Мюллеру.

Чтобы не привлекать к своей персоне излишнего внимания сотрудников, Крюгер нарядился в эсэсовскую форму штандартенфюрера СС. Он по своему опыту знал, что в организации, где большинство на работе постоянно носит форму, лучший способ остаться незаметным – тоже нацепить мундир.

Мюллер принял его сразу же, представив еще двух нахо-

дившихся в кабинете персон. Одной из них был Штадлер, другой – начальник следственной группы по делу Хавемана.

По той любезности, с которой Мюллер обставил беседу, и удивленно растерянными лицам присутствующих было видно, что указания Гиммлера произвели здесь должное впечатление. Что касается Мюллера, то он был даже рад такому обороту дел. С него разом свалилось давление со стороны Гейдриха и ответственность за дальнейшие последствия всей этой неприятной истории. Теперь пусть за все отдувается «Служба Риббентропа»: как говорится, «большому кораблю – большие неприятности».

Тщательно скрывая удовлетворение по этому поводу, Мюллер предоставил слово Крюгеру. Тот в свою очередь буднично, чтобы не раздувать излишний ажиотаж вокруг своей персоны, разъяснил, что получил поручение сверху проанализировать дело Пайнса и Хавемана на предмет его возможного использования в разведывательных целях. Естественно, данный аспект работы должен остаться в строжайшей тайне. Все необходимые полномочия предоставлены рейхсфюрером СС. Мюллер при этих словах многозначительно кивнул.

Он распорядился выделить для коллеги кабинет на руководящем этаже и оказать все необходимое содействие в его работе. Штадлер вызвался сопровождать гостя к его кабинету. Пока приятели шли по длинным унылым коридорам гестапо, Штадлер шепотом рассказал Крюгеру, что получил ука-

вание Мюллера фиксировать все, чем будет интересоваться разведчик, и немедленно докладывать наверх. Когда они подошли к кабинету, то Штадлер с неудовольствием заметил, что их поджидал дежурный по отделу незадачливый Лемке.

– А где Майер? – раздраженно спросил начальник.

– Майера вызвал на срочную встречу ценный осведомитель, и он попросил меня подменить его, – несколько сконфуженно ответил Лемке.

«В конце концов, Лемке тоже полностью осведомлен о деталях дела Пайнса и Хавемана. Так что особой разницы в том, кто будет опекать Крюгера, нет», – прикинул Штадлер.

Эта пустяковая накладка, мелочь, быстро забылась. А напрасно. Как показали дальнейшие события, она привела к результатам, имевшим важное значение для дела, и подтвердила ту избитую истину, что в контрразведывательной работе не бывает мелочей.

За каких-то пять минут Крюгер удобно устроился на новом для него месте. Было заметно, что у него большие навыки уютно располагаться в чужих кабинетах.

– Итак, – обратился он к вытянувшемуся перед ним Лемке, – давайте-ка расставим все точки над «и». Судя по тому, что ваш начальник Штадлер определил вас ко мне, он доверяет вам. Поэтому у меня нет оснований сомневаться в вашей надежности, и я поясню только для вас цели моего появления в ваших пенатах. Это поможет нам эффективно решать возложенные на меня задачи. Подчеркиваю, что я при-

был не для какой-то инспекции или поиска ошибок и виновных в них. Мне нужно потрясти дело Пайнса и Хавемана с разведывательной точки зрения и выжать что-либо полезное для интересов рейха. Вы, видимо, знаете многие детали дела, и я рассчитываю на ваше содействие. Теперь нужно решить три срочных вопроса: во-первых, немедленно отмените слежку за Пайнсом, во-вторых, доставьте мне Хавемана и, в-третьих, принесите мне все материалы на Пайнса и Хавемана. Мы подружимся, если вы будете быстро и точно выполнять мои указания.

Лемке резко развернулся на каблуках и выскочил из кабинета.

Глава 4

Первая осечка

Через четверть часа на столе перед Крюгером лежало два объемистых досье, а Лемке, несколько сбиваясь, доложил, что сейчас, к сожалению, нет возможности привести Хавемана в данный кабинет. Начальник следственной группы просит штандартенфюрера спуститься в подвал, где содержатся арестованные.

У Крюгера екнуло сердце.

– Что, обвиняемый не транспортабелен? – раздраженно воскликнул он.

Лемке только неопределенно пожал плечами.

– Хорошо, немедленно ведите меня к Хавеману, – хмуро выдавил из себя Крюгер.

В подвале их подждал начальник следственной группы, который предупредительно сопровождал гостя до камеры заключенного. То искалеченное существо, которое Крюгер там увидел, только отдаленно напоминало человека. С первого взгляда ему стало ясно, что использовать Хавемана в оперативных мероприятиях нельзя. Вряд ли ситуацию смогут выправить какие-либо доктора.

«Вот же идиоты, вот же безмозглые костоломы», – злобно подумал он. Его возмутило не жестокое обращение с обвиняемым. Подонок сам заслужил это. Дело в том, что Крю-

геру приходилось не раз применять меры физического воздействия к захваченным агентам противника, чтобы добыть необходимые сведения. Однако он делал это всегда профессионально, сохраняя объекта в состоянии, пригодном для продолжения выяснения и уточнения полученной информации. Теперь же эта сытая самодовольная скотина в отлично отутюженной форме поставила неожиданную точку в многообещающей операции Крюгера. Вся схема с треском рухнула при первом соприкосновении с действительностью. В голове осталась только пустота и злость.

– Что вы сделали? – ледяным тоном спросил Крюгер начальника следственной группы.

– Мы показали врагу рейха, что его ждет за измену, – несколько вызывающе ответил тот.

Крюгер, с трудом сдерживаясь, продолжил:

– Вы понимаете разницу между контрразведкой и скотобойней. Хотя я бы вас не взял и на скотобойню, потому что и там вы бы изгадили товарное мясо. Меня интересует вопрос, с какой целью вы уничтожили главного фигуранта по делу о государственной измене и лишили следствие возможности выявить его высокопоставленных покровителей. Что мне докладывать рейхсфюреру и кого теперь допрашивать? – зловеще продолжил Крюгер. – Может быть, начать с вас? – обратился он к оторопевшему начальнику. – Вы, я вижу, в отличной физической форме и несколько месяцев интенсивных допросов вполне выдержите. Кроме того, я научу, как

их профессионально вести.

Крюгер вопросительно обвел глазами присутствовавших в камере Лемке и двух охранников, которые настороженно придвинулись к начальнику следственной группы. С того моментально слетело все его самодовольство, и он судорожно вытирал носовым платком вспотевший лоб.

– Зарубите себе на носу, – злобно произнес Крюгер, – через неделю Хавеман должен быть в состоянии написать своей рукой один листок текста, который я ему дам.

– Но... – попытался было возразить начальник следственной группы.

– Никаких но, идиот, – прокричал Крюгер. – В противном случае будет начато расследование о причинах и виновниках саботажа по расследованию дела о государственной измене.

Крюгер в отвратительном настроении вернулся в кабинет. Здесь до поздней ночи он тщательно изучал все бумаги, относящиеся к делу Пайнса и Хавемана. Но найти кандидата на роль посланца «Службы Риббентропа», которому Пайнс мог бы поверить, в материалах дела не удалось. Единственный родственник Хавемана, профессор Лоингер, был убежденным противником национал-социалистского режима, так что заставить его помогать нацистской разведке было довольно сложно. Кроме того, многие знали о его аресте. Данное обстоятельство мог легко выяснить и Пайнс. Поэтому попытка использовать Лоингера была в принципе обречена на провал. Дочь Лоингера Марту, аспирантку кафедры ан-

глейской филологии Берлинского университета, девуцу 23 лет, конечно, можно было угрозами и давлением заставить сыграть роль курьера от дяди Хавемана к Пайнсу. Но Крюгер хорошо знал, что придется много биться с девушкой, чтобы отработать правильные, не вызывающие подозрения черты ее поведения с американским разведчиком. В его практике были случаи, когда выполнение поручений через силу, вопреки собственным убеждениям, выдавало неопытных агентов.

Однако выбор был невелик. Кроме Марты, других кандидатур пока не просматривалось. Когда на часах высветилась полночь, Крюгер подвел сжатый итог своих изысканий и выделил две главные проблемы, которые необходимо было во что бы то ни стало удовлетворительно решить: во-первых, найти способ ввести Марту в операцию таким образом, чтобы это не противоречило ее убеждениям и побуждало к искренней работе. Во-вторых, наметить такую схему знакомства Марты с Пайнсом, которая не вызвала бы у американца подозрений. Пока никаких решений в голове у Крюгера не выстраивалось. В таких сложных случаях он обычно переключался на другие дела и прекращал настойчиво думать о мучившей его проблеме. Часто решение приходило совершенно неожиданно посреди обычной текучки или на отдыхе. Он бы очень удивился, если бы узнал, что через десятки лет о подобных приемах напишут диссертации как о способах «эвристического познания».

Утром Крюгер, как всегда тщательно, брился любимой бритвой «Золинген» и механически напевал какой-то фри-вольный мотивчик. Неожиданно в памяти всплыло слово «организация» и место в одном из протоколов допроса профессора Лоингера, где следователь гестапо упорно пытался выбить у того признание в принадлежности к подпольной антифашистской организации.

«Так-так-так, в этом что-то есть», – заинтересовался разведчик. Он быстро завершил утренний туалет и помчался в гестапо. Там, внимательно прочитав вспомнившийся ему протокол допроса, он понял, что одно принципиальное решение найдено. Конечно, Марту надо убедить, что ее отец и дядя – члены подпольной антифашистской организации. Эта организация поддерживает контакт с американцами через Пайнса, чтобы с их помощью свергнуть Гитлера. Предупреждая США и Англию об агрессивных замыслах нацистов против этих демократических стран, она способствует поражению и ослаблению гитлеровского режима. С отъездом дяди на восток связь с Пайнсом нарушилась. Марта могла бы помочь в ее восстановлении и продолжении антифашистской борьбы.

Крюгер уже видел себя в форме подполковника вермахта, сослуживца Хавемана, приехавшего на короткое время по служебным делам в Берлин с письмом Марте от дяди. Далее следовала вербовка Марты от имени антифашистской организации, которую необходимо будет сопровождать соот-

ветствующим пафосом и таинственностью, на которые так падки молодые люди. Но это уже было, как говорится, дело техники. С появлением перспективной идеи все удачно выстраивалось в реальную схему операции.

Он вызвал Лемке и приказал немедленно поставить на прослушивание телефон Марты Лоингер и очень аккуратно навести справки о ее связях и знакомых.

– Надеюсь, что у ваших коллег хватило ума не сболтнуть девчонке, что ее дядя арестован за шпионаж, – напряженно спросил он у Лемке.

– Нет, нет, что вы, – замотал головой гестаповец, – она ничего не знает.

– Я спрашиваю потому, что читал в деле какой-то путаный протокол об обыске на квартире Лоингера после ареста Хавемана. Вы, насколько я понял, в нем участвовали. Как вы объяснили девчонке причину обыска? – въедливо интересовался Крюгер.

Лемке с чего-то вдруг разволновался и, глубоко вздохнув, сказал:

– Ей разъяснили, что ищут антифашистскую литературу ее отца.

«Что он так задергался? – удивился про себя Крюгер. – Вообще, он какой-то мутный. Надо бы с ним вести себя поосторожнее».

Развернувшаяся работа по детализации плана операции быстро вытеснила у него эту здравую мысль.

Часть IV

Последствия авантюры с книгами

Глава 1

Странный продавец редких манускриптов

Волнения Лемке не были напрасными. Пару недель назад он крупно проиграл в покер. В его клубе «Пенальти» царило строжайшее правило. Проигрыш необходимо было погасить в течение недели до очередной игры в пятницу. Если должник этого не делал, он навсегда отлучался от стола. Но постепенно карточная игра стала для Лемке болезненным пристрастием. Он уже не представлял своей жизни без загадочного зеленого сукна под уютным кругом теплого света, без волнующего полета карт, сулящих быструю удачу, без того острого азарта, который отодвигал на задний план все его дела и мысли. Однако деньги найти не получалось. Пятница близилась. Тогда после тяжелых душевных колебаний Лемке взял необходимую сумму из фонда, предназначенного на негласные расходы. По его расчетам, деньги удастся постепенно небольшими порциями вернуть в фонд, тем более что

плановая проверка предстояла через полгода. Но жестокая реальность опрокинула все его намерения. Когда он был дежурным по отделу, пришла телефонограмма из финансового управления о внеочередной проверке расходов из негласных фондов. Если ему не удастся в ближайшее время покрыть недостачу, то с работой можно будет распрощаться.

Лемке ломал голову в поисках выхода из сложившейся ситуации. На его состояние уже обратили внимание коллеги, но он отговаривался плохим самочувствием. Именно в таком смятении духа Лемке участвовал в обыске на квартире профессора Лоингера, которым интересовался Крюгер. Гестаповец машинально просматривал множество книг, сгрудившихся на полках. В душе возникали картины его позорного изгнания со службы и, что еще страшнее, лишение возможности играть в карты. В одной из ветхих книг он наткнулся на пожелтевший листочек, на котором карандашом была выведена очень крупная цифра, означавшая стоимость этой книжки. Лемке вначале не поверил своим глазам. Но все сходилось. Книга была редким экземпляром древней Библии, отпечатанной еще самим Гутенбергом. Теперь она стоила раза в два дороже. И что самое главное, этой суммы с лихвой хватало бы для покрытия недостачи.

Но Лемке сразу же отогнал такую мысль. Опускаться до банального воровства сотруднику гестапо не пристало. Однако вредный внутренний голос ехидно заметил: «А кто ты есть, ты и так уже вор».

«Действительно, – подумал уже спокойнее Лемке. – Девчонку скоро выгонят из университета, и она одна сгинет. Книги все равно растащат. А так их можно продать букинисту и сохранить для знатоков».

На этом его внутренние колебания закончились, и он уже целенаправленно стал искать наиболее дорогие экземпляры. Вскоре нашелся антикварный альбом со старинными гравюрами Дюрера, стоимость которого открывала радужную перспективу не только рассчитаться с долгами, но и вернуться за карточный стол полноправным участником. Подобранные издания быстро и незаметно переключались в объемистые карманы плаща гестаповца. На данное мелкое происшествие, естественно, никто не обратил внимания. Дочь профессора была в шоке от свалившихся на нее несчастий, и ей было не до книг. Но въедливый интерес Крюгера к обстоятельствам обыска напугал Лемке.

«Может, этот хмырь что-то пронюхал? Нет, не может быть, – успокаивал себя Лемке. – Хотя от книг надо скорее избавиться».

На следующий день после работы он переоделся в штатское платье и выдвинулся в район Кройцберга, где было много антикварных лавок и букинистических магазинов. Рекогносцировка в паре таких заведений на центральной улице не вдохновила. В них толпились студенты и какие-то подозрительные личности, мешавшие доверительно поговорить с хозяином. Несколько расстроившись, он свернул в тихий

переулок и сразу же наткнулся на симпатичный букинистический магазинчик. Хозяин не спеша поливал цветы на подоконнике и, заметив остановившегося у входа Лемке, приветливо кивнул ему. Ноги сами привели гестаповца внутрь. После взаимных приветствий Лемке бегло оглядел раскинувшиеся вокруг полки с книгами. Они имели почтенный старинный вид.

«Это, видимо, то, что мне нужно», – подумал успокоенно картежник.

– Господин ищет что-то определенное? – вежливо поинтересовался хозяин.

– Видите ли, я скорее сам хотел вам предложить одну книгу, – с солидной неторопливостью ответил Лемке и показал Библию Гутенберга.

Он с удовольствием заметил, как задрожали руки у торговца. Тот схватил антикварную лупу и тщательно изучил несколько страниц. Потом, как бы нехотя возвращая книгу, с сожалением в голосе сказал:

– Это большая ценность. У меня сейчас нет столько денег, чтобы купить ее. Хотя я могу предложить один вариант. Я немедленно плачу вам половину суммы, а на вторую даю расписку. Через пару дней вы сможете получить у меня вторую часть.

Перспектива уже сегодня почувствовать в кармане солидную пачку денег взволновала Лемке. Хотя для приличия он стал настаивать на немедленной уплате всей стоимости кни-

ги, ссылаясь на то, что в соседнем магазине ее у него с руками оторвут. Хозяин смиренно согласился с такой вероятностью, но при этом добавил:

– Господин не получит деньги немедленно. Книгу отправят к эксперту, который должен определить ее подлинность и установить, не числится ли она среди похищенных.

«Мягко стелет, сволочь», – с раздражением подумал Лемке, но вслух сказал:

– Меня не волнует никакая экспертиза. Просто я должен скоро покинуть Берлин и хотел бы побыстрее решить вопрос с книгой. Я согласен с вашим предложением.

– Вы сделали правильный выбор, – услужливо поклонился хозяин. – Попрошу секундочку подождать. – Он выскользнул в соседнюю комнату, где слышался лязг сейфового замка. Затем на прилавке возникла толстая пачка денег, нестерпимо гипнотизируя гестаповца. Хозяин открыл квитанционный блокнот и выписал расписку на оставшуюся часть суммы.

– Прошу прощения, мой господин, мне нужна ваша драгоценная фамилия.

Лемке от неожиданности несколько замялся, потом буркнул первое, что пришло на ум: «Шмидт». Тем более что такую фамилию носит половина Германии.

– Кстати, у меня еще есть старинный альбом гравюр Дюрера, – как бы мимоходом обронил Лемке.

– Я буду рад, если вы его в следующий раз принесете, –

затараторил обрадованный продавец.

«Конечно, он имеет со всего этого свой процент», – неприязненно подумал гестаповец. Но других вариантов все равно не было.

Глава 2

Гестаповский след

Вполне вероятно, что случайность – это непознанная закономерность. Ведь иначе трудно объяснить, почему Лемке зашел именно в тот букинистический магазин, хозяин которого являлся старинным приятелем семьи профессора Лоингера.

После того, как Лемке свернул на кривую дорожку мелкой кражи, у него закономерно должны были возникнуть неприятности. Рано или поздно они обязательно возникли бы, но случай не заставил себя ждать.

Вполне понятно, что у хозяина магазина задрожали руки, когда он увидел хорошо знакомую ему книгу, которую сам доставал для Лоингера. Будучи человеком многоопытным в своем бизнесе, он легко определил, что принесший ее мрачноватый тип ничего не смыслит в редких изданиях и наверняка достал ее незаконным путем. Фамилию свою он, конечно, скрывает.

После того, как довольный Лемке с облегчением покинул магазин, хозяин поспешно закрыл двери и последовал с удивительной для его профессии ловкостью за ним.

Мысли гестаповца были заняты только одним – поскорее донести драгоценную ношу до своего дома. Поэтому он не обращал никакого внимания на то, что происходило во-

круг него. Через некоторое время он пришел к трехэтажному особняку на несколько семей. По загоревшемуся свету в окне на втором этаже, видимо в прихожей, преследователь определил, что воришка живет в правом крыле.

Перед входом в дом он выяснил по табличке жильцов, что это квартира номер три и проживает в ней семья Лемке. Уже в магазине, порывшись в адресной книге, он нашел по этому адресу некоего Хайнца Лемке, служащего полиции. Дело принимало интересный оборот.

* * *

Старинные часы на стене пробили восемь раз. Еще прилично было нанести визит в частный дом. Букинист выключил свет, тщательно запер ставни и дверь и уселся в запаркованный во дворе небольшой «народный автомобиль», «Фольксваген Жук». Оставив машину несколько вдалеке от дома, в котором жил Лоингер, Арним прошелся пешком и внимательно осмотрел обстановку вокруг особняка. Никаких скучающих субъектов на улице не было, и он торопливо вошел в подъезд.

Марта несколько последних дней находилась в шоке, который никак не проходил. Еще совсем недавно жизнь казалась ей легкой и полной маленьких приятных приключений. В университете ее каждое утро ждала интересная работа, веселое щебетание с подружками за обеденными бутербродами.

ми и кофе. По вечерам за ней заходил Гюнтер, аспирант с соседней кафедры, который провожал ее домой и развлекал легкомысленными разговорами и томными вздохами. У дверей квартиры ее встречал любимый папа в неизменном шерстяном кардигане и с трубкой в руках. Они не спеша ужинали, и Марта рассказывала отцу, как прошел ее день. Все закончилось в одночасье, когда в дом ворвались люди в гестаповской форме, скрутили отца и перерыли всю квартиру. Она несколько раз бегала в полицию, чтобы передать отцу теплые вещи и выяснить, за что его арестовали. Пожилой полицейский грубо рявкнул, что ее отец – враг фюрера и рейха и ему посылки не положены. Затем в квартире вновь появились гестаповцы, которые искали антифашистскую литературу, побросав на пол книги со стеллажей. Девушка долго водворяла их затем на место.

Она сразу заметила, что на работе вокруг нее возникла пустота. Подружки полдничали без нее, Гюнтер перестал приходить и отвечать на телефонные звонки. В дополнение ко всему как раз сегодня позвонил руководитель кафедры и, запинаясь, разъяснил, что Марта уволена с работы и больше в университет может не приходить. Перед ней словно упал жесткий мрачный занавес, навсегда отрезав ее от прошлой беззаботной жизни. Она не представляла, что ей делать дальше, и безучастно устроилась в кресле, завернувшись в плед. В этом состоянии ее и застал Арним. Выслушав сбивчивый рассказ Марты, прерываемый рыданиями, и оглядев разгром

в комнате, он быстро понял, что произошло.

– Послушай, девочка, – твердо сказал он Марте. – Отец уже не вернется. Тебе сейчас нужно думать о себе, как ты будешь жить дальше. У тебя остались какие-то средства?

Марта несколько обескураженно заметила:

– Я как-то не подумала о деньгах. Все финансовые дела обычно вел папа. Он мне давал деньги на ежедневные расходы. Наверное, у него осталось что-то на счете в банке.

– Если гестапо не арестовало его счет, – мрачно подытожил дядя Арним. – Я это постараюсь выяснить. Теперь давай договоримся. За тобой может следить гестапо, чтобы поймать на каком-то неосторожном поступке и отправить вслед за отцом. Будь крайне осторожна в общении со знакомыми и особенно с незнакомыми людьми. По любому непонятному для тебя вопросу обращай сразу же ко мне, приходи прямо в магазин. Не надо предварительно звонить по телефону, гестапо может его прослушивать. Когда пойдешь ко мне, обязательно возьми с собой какую-нибудь книгу отца. Якобы ты ее принесешь на продажу. Если кто-то будет интересоваться, на что ты живешь, ты как раз и скажешь, что понемногу распродаешь редкие книги отца. О том, что мы давно знакомы, никому ни слова. Ты все поняла? – строго спросил Арним.

– Да, да, – поспешно закивала Марта.

– Ну хорошо, – вздохнул дядюшка. – Я тебе оставляю деньги на первое время, а пока постараюсь найти для тебя подходящую работу. Встряхнись, начинай обычный образ жизни,

продолжай дома подготовку той научной статьи, которой ты занималась в университете. В свое время я пообещал твоему отцу, что, если с ним что-нибудь случится, я буду заботиться о тебе. Ничего не бойся, считай, что у тебя появился приемный отец.

Марта заплакала от благодарности и прижалась к плечу дядюшки Арнима.

– Да, – как бы вспомнив о чем-то, спросил он. – Где у тебя Библия Гутенберга, которую я помог купить папе? Девушка стала рыться в книгах, но это издание на своем месте не нашла.

– Нет, видимо, и альбома с гравюрами Дюрера, – задумчиво предположил дядя Арним.

Его действительно среди книг не оказалось.

– Послушай, Марта, ты не можешь вспомнить внешность гестаповцев, которые искали антифашистскую литературу? – спросил Арним. – Не было ли среди них такого субъекта? – И дядя подробно описал внешность Лемке.

Марта вначале отмахнулась, заметив, что ничего не запомнила. Но затем удивленно подтвердила, что весьма похожий тип рылся на полках, где хранились исчезнувшие книги. Арним попросил ни в коем случае даже не упоминать кому-либо об этом человеке. На том и распрощались.

Букинист еще долго колесил на своей машине по Берлину, посещал булочную, почту, прачечную и авторемонтную мастерскую. Здесь он поручил знакомому механику посмот-

реть тормоза, а пока попросил разрешения воспользоваться телефоном в небольшой конторке. Механик добродушно кивнул в знак согласия. Арним набрал номер телефона.

– Уважаемый доктор, у меня назначен прием завтра в семнадцать часов. Я могу рассчитывать, что процедура состоится?

– Да, приезжайте, – коротко ответил врач. Арним рассчитался с механиком и через некоторое время оказался на автостраде, ведущей в Мюнхен.

Глава 3

Неприметный доктор в Зальцбурге

В три часа пополудни на узенькой средневековой улочке в правобережной части Зальцбурга из небольшого старинного дома, прилепившегося к горе Капуцинерберг, вышел подтянутый моложавый мужчина. Справа от окованной фигурным железом дубовой двери висела надраенная медная табличка: «Штефан Фаркаш. Доктор медицины. Бальнеолог. Прием по предварительной записи». Мужчина не спеша начал спускаться к набережной реки Зальцах, рассекавшей город на две части. Одет он был по типичной для местных жителей национальной моде: темно-зеленая тирольская шляпа с пером, такого же цвета пальто, сильно расклешенное книзу, в руках неизменный зонтик-трость. Дождя пока не было, но низкие тучи уже цеплялись за местные горы. Ежедневный, пусть и короткий дождь был визитной карточкой Зальцбурга. Доктор с иронией вспомнил раздраженные слова одного из французских императоров, посетивших однажды город: «Зальцбург имеет полное право претендовать на звание главного писсуара Европы».

На набережной Зальцах Фаркаш, как всегда, на минутку остановился, чтобы лишний раз полюбоваться чудной картиной красивого средневекового замка «Высокий Зальцбург», раскинувшегося прямо перед ним на горе Менхсберг в цен-

тре старого города. Сказочный вид несколько смягчил внутреннее напряжение, которое испытывал доктор, и в душе даже всплыл какой-то фривольный мотивчик из оперетт Штрауса. Встречавшиеся Фаркашу редкие прохожие приветствовали его, вежливо приподнимая шляпу. Он отвечал им тем же.

У живописного моста через Зальцах местный житель в тирольском охотничьем костюме ловил нахлыстом приличную горную форель.

– Петри хайль, – доброжелательно поприветствовал его доктор обычным для этих мест пожеланием удачного улова.

– Петри данк, – так же доброжелательно ответил рыбак.

Штефан Фаркаш неспешно перешел через висячий мост в старую часть города и остановился у памятника Моцарту, чтобы послушать местный аттракцион «глокеншпиль», чудный колокольный перезвон местных соборов. Затем он решительно углубился в узкую старинную улицу Гетрайдегассе и сразу же растворился в толпе прохожих.

Вдоль обеих сторон улицы мелькали вывески многочисленных небольших магазинов, лавочек, кафе и ресторанчиков. Фаркаш иногда останавливался и разглядывал рекламные предложения, но нигде не задерживался. Через некоторое время он оказался на рыночной площади, пересек ее и вошел в здание местного земельного банка. Пока клерк оформлял оплату счетов, доктор со скучающим видом разглядывал через широкое окно рыночную площадь. Она в это

время была практически безлюдной. После посещения банка Фаркаш узким средневековым переулком прошел ко входу в местный университет и поднялся на второй этаж по широкой лестнице. Знакомая сотрудница библиотеки сразу же подала ему каталог новых поступлений по медицине. Доктор внимательно ознакомился с ним и сделал несколько выписок в свой блокнот. За это время в читальный зал никто не зашел.

Фаркаш покинул библиотеку и, огибая небольшую гору Ноннберг, проследовал в католический госпиталь при монастыре. Некоторое время у него заняли консультации двух пациентов, по завершении которых он вышел из госпиталя и в нерешительности некоторое время постоял у входа. Затем направился по узкой, вымощенной грубым булыжником тропе в сторону горы Менхсберг. Метров через пятьдесят показалась удобная скамья, где доктор с удовольствием передохнул и поглядел на часы. Время двигалось к пяти. Фаркаш вернулся вниз и зашел в уютный дворик большой монастырской пивной «Августинер келлер». Это заведение было в некотором роде достопримечательностью Зальцбурга. Ее содержали монахи одноименного монастыря, варившие уникальное пиво «Августинер», которое можно было попробовать только здесь. Своеобразной особенностью пивной было установленное здесь самообслуживание посетителей. Каждый гость у входа брал со стеллажей глиняную кружку, сам мыл ее в проточной воде источника, бившего из скалы, оплачивал в кассе пиво и подходил к прилавку, где дюжий монах

наеживал ему из огромной бочки вожденную влагу.

В буфете можно было купить немудреную закуску. Но дозволялось приносить ее с собой. Этим с удовольствием пользовались местные крестьяне, которые приезжали за покупками в Зальцбург, захватывая из дому свежие окорока и колбасы. Официантов не было, и это особенно устраивало Фаркаша. Он знал об их профессиональной памяти на лица и способности даже через год узнать того или иного посетителя и его собеседника.

Доктор взял пиво и свежеиспеченный соленый крендель, бретцель, как его здесь называли, и прошел на второй этаж. Здесь в большом уютном зале, отделанном старым деревом, он устроился в углу за дубовым столом, так, чтобы видеть вход. Слева от него в кустарной рамке висело произведение неизвестного монаха, в стихотворной форме прославлявшее заведение:

Не счесть наречий и имен
Тех многочисленных племен,
Что здесь блаженно отдыхали,
Обнявшись с кружкой в этом зале.

Глава 4

Рискованный план согласован

В мирное время здесь бывало много туристов. Сейчас же с гостями стало хуже. Пивную навещали в основном местные жители да приезжавшие из Германии редкие отпускники. Без четверти пять в зал вошел явный немец, пифке, как их называли между собой австрийцы. Это можно было без труда определить по костюму, серьезному выражению лица и отсутствию закуски из буфета (немцы боялись отравиться). Увидев Штефана Фаркаша, новый посетитель прямиком направился к нему. Следом за ним в зал никто не зашел. Это был, конечно, Арним. Он тепло поздоровался с доктором, и после взаимных приветствий собеседники приложились к кружкам.

– Слежки не было? – озабоченно спросил Фаркаш.

– Нет, все нормально, – успокоил его Арним.

– У меня тоже все чисто. Так с чем ты примчался в Зальцбург? – нетерпеливо поинтересовался доктор. – Что стряслось?

– Да вот вырисовывается одна интересная комбинация, о которой ты должен знать, – возбужденно продолжил Арним. И он подробно рассказал о краже редких книг у Марты, о гестаповце Лемке и его попытках втихоря сбыть эти издания. Фаркаш внимательно и с возрастающим интересом слушал

Арнима.

– Очевидно следующее, – подытожил он. – Гестаповец срочно нуждается в деньгах и готов пойти ради этого на нарушение закона. Ситуация интересная, и жаль будет ее упустить, хотя и риск велик.

– Штефан, – настаивал Арним, – надо этого «букиниста» прижать.

Собеседники еще около часа что-то заинтересованно обсуждали. Затем Арним направился в Берлин, а Фаркаш вывесил на двери своего дома объявление о временном прекращении приема пациентов.

Часть V

Ловушка захлопнулась

Глава 1

А выглядело все заманчиво

После покрытия недостачи в своем рептильном фонде Лемке некоторое время чувствовал себя прекрасно. Пятничные развлечения за карточным столом продолжились. Вырученных от продажи книги денег хватило даже на неплохое колечко с бирюзой для одной смазливой парикмахерши, с которой Лемке иногда скрашивал превратности семейной жизни. Но фортуна вновь нанесла ему сокрушительный удар. Он в очередной раз в пух и прах проигрался. Роковую роль сыграло, видимо, то обстоятельство, что Лемке, переживая одну неудачу за другой, чересчур налегал на ликер «Егермайстер». Даже партнеры по картам осторожно пытались урезонить его отказаться от рискованных ставок. Все оказалось напрасным. Размышляя о своем роковом невезении, Лемке, конечно, все приписывал случаю. Мысль о том, что он просто не умеет играть, гестаповец решительно гнал от себя.

Но переживания переживаниями, а в очередную пятни-

цу надо было платить по долгам. Тут еще, как назло, парикмахерша выставила Лемке за дверь. Надув губки, она возмущалась по поводу того, что колечко оказалось с фальшивой бирюзой. Об этом ей сразу же сказали опытные подружки и посмеялись над ней. Лемке понял, что прощение можно было заслужить только солидным подарком. Делать было нечего, надо было идти к букинисту. Гестаповец позволил в магазин и намеками дал понять, что собирается прийти за второй частью обещанной суммы. Хозяин дружелюбно подтвердил, что деньги приготовлены и завтра вечером «господин Шмидт» может без проблем их получить. Букинист сообщил, что нашел состоятельного покупателя, который может сразу же купить и другие книги, если они у господина есть. На следующий день после работы с тяжелым сердцем, хлебнув для поднятия настроения пару рюмок любимого «Егермайстера», Лемке аккуратно завернул альбом Дюрера в оберточную бумагу и явился в магазин. Отсутствие других покупателей и радушный прием хозяина несколько смягчили его мрачное настроение.

Однако вместо того, чтобы без лишних церемоний расчитаться с посетителем, хозяин зачирикал, что у него в кабинете поджидает весьма состоятельный коллекционер, купивший Библию Гуттенберга. Он готов немедленно приобрести у господина и другие книги. Лемке незачем было посвящать в свои махинации еще одного свидетеля, но Арним, мягко подталкивая, увлек его в свой кабинет. Здесь у краси-

вой кафельной печи, отделанной синими изразцами, за антикварным столиком сидел мужчина лет тридцати – тридцати пяти, с приятным волевым лицом, одетый в дорогой костюм. О его достатке и вкусе свидетельствовали закладка в галстук – заправленный в серебро красивый рубин – и небрежно прислоненная к ручке кресла изящная трость из какого-то явно не дешевого дерева. На столе стояла бутылка дорогого французского коньяка и два больших бокала. Что-то в облике незнакомца показалось Лемке смутно знакомым, но что именно, он понял только в конце беседы.

Источая само радушие, тот тепло поздоровался с Лемке и представился:

– Карл Эстерхази, коллекционер и землевладелец.

Гестаповец невнятно буркнул в свою очередь:

– Хайнц Шмидт, чиновник.

Эстерхази разлил коньяк по бокалам и предложил выпить за знакомство. От глотка непривычного коньяка у Лемке слегка зашумело в голове и по телу стало разливаться приятное тепло.

– Дорогой господин Шмидт, – взял беседу в свои руки Эстерхази, – я думаю, мы не будем ходить вокруг да около и сразу перейдем к делу.

– Совершенно с вами согласен, – подтвердил Лемке, удовлетворенный таким деловым подходом.

– Я готов выплатить вам вторую часть суммы за Библию Гутенберга, – продолжил коллекционер, – но я вижу, что вы

можете еще что-то предложить.

– Если мы сойдемся в цене, – солидно начал Лемке, – я готов вам уступить альбом гравюр Дюрера. – И стал аккуратно разворачивать пакет.

Он заметил, как заблестели глаза у коллекционера. Тот выхватил из кармана красивую лупу, отделанную бронзой, и начал внимательно изучать переплет и некоторые страницы альбома.

Наконец Эстерхази нехотя отложил альбом в сторону и сказал, что берет его. Он назвал такую сумму, от которой у Лемке вспотел лоб. О большей удаче он и не мог мечтать. В подтверждение своих слов коллекционер достал из красивого портфеля крокодиловой кожи изящный кожаный бювар, в углу которого Лемке заметил странный герб – на вершине короны крест явно покосился в одну сторону. Но не это в данный момент привлекло его внимание, а ровные пачки денег, аккуратно перехваченные банковскими ленточками, которые находились в небрежно раскрытом бюваре.

Эстерхази снова наполнил бокалы и предложил выпить за удачную сделку. Лемке с удовольствием опустошил бокал и расслабился. Как оказалось, напрасно. Эстерхази неожиданно отставил бокал в сторону и пристально уставился на Лемке. Весь его облик разительно переменялся. Теперь перед гестаповцем сидел жесткий человек с волевым характером, привыкший командовать людьми и добиваться своего. Серо-зеленые глаза приобрели стальной оттенок.

Глава 2

Появление злополучного «коллеги»

– В чем дело? – непроизвольно заерзал в своем кресле Лемке.

– Вы не обратили внимание на эти значки, – процедил сквозь зубы Эстерхази и сунул под нос Лемке первую страницу альбома.

Тот недоуменно уставился на маленький штемпель – несколько скрещенных изломанных стрел и буква «Э» в центре.

– Вы, конечно, не представляете, что это такое, – продолжил странный собеседник. – Эта «пустяковина» называется экслибрис и означает принадлежность книги к чьей-то коллекции. В нашем с вами случае – к коллекции князей Эстерхази, чьим дальним родственником я имею честь быть. Несколько месяцев назад я передал профессору Лоингеру эти книги на экспертизу и оценку. Вот копия договора с профессором.

Эстерхази показал ошарашенному Лемке какую-то бумагу. Но у того от всего сказанного буквы начали прыгать перед глазами и он ничего не мог разобрать.

– Итак, налицо банальное воровство и попытка сбыть краденое, – тоном полицейского следователя подвел итог Эстерхази. – Если я дам этому делу ход, то вы уже сегодня окаже-

тес в мрачном зарешеченном доме без архитектурных излишеств. Господин Арним Дорн знаком с двумя полицейскими из ближайшего участка, которые по первому знаку готовы прибыть сюда и, как говорится, восстановить торжество закона.

Лемке неожиданно вскочил и кинулся к двери, которая, однако, была заперта снаружи.

– Не спешите, – досадливо заметил Эстерхази. – Мы еще не закончили. Сядьте. Я вас предупреждаю, что всю нашу историю я изложил на бумаге и с вашей распиской в получении денег за Библию Гутенберга передал своему адвокату в Швейцарии. Если вы попытаетесь использовать свое служебное положение и арестуете меня по надуманному предлогу, адвокат передаст бумаги в иностранную прессу. Представляете, как разгневается наш фюрер, когда референт зачитает ему подборку публикаций о том, что национал-социалисты направляют состоятельных людей в лагеря, чтобы завладеть их ценностями. В качестве доказательства будет красоваться ваша фамилия. Я думаю, Бухенвальд вам покажется после этого санаторием, не так ли? – ядовито поинтересовался Эстерхази.

Лемке от свалившихся на него потрясений утратил душевное равновесие и был близок к прострации.

Зловредный коллекционер, видимо, довольный произведенным эффектом, неожиданно откинулся на спинку кресла и от души захохотал.

– Что, господин Шмидт, наложили в штаны? – в несвойственной его предыдущим манерам грубоватой форме выдал он сквозь смех. – Расслабьтесь. Я пошутил. Просто на таком маленьком примере мне хотелось показать вам, как опасно пускаться в сделки, в которых вы ничего не смыслите. Вы должны быть благодарны судьбе, что вся эта история попала в руки порядочного человека. Если бы на моем месте оказался проходимец, он бы довел вас шантажом до паперти. Вы получите свои деньги, но сначала нам необходимо обсудить некоторые условия. Согласитесь, что для человека, которого обокрали, это великодушная позиция.

Лемке вытер выступивший на лбу пот и облегченно закивал.

– Ну вот, господин Лемке, – удовлетворенно заключил коллекционер. – Как говорят на международных переговорах, наметилось согласие сторон. Чтобы внести окончательную ясность, представлюсь еще раз. Я такой же Эстерхази, как вы Шмидт.

У гестаповца от удивления глаза полезли на лоб:

– Откуда вы знаете мое имя?

Коллекционер недовольно отмахнулся от этого вопроса, как от очевидной вещи:

– Мы с вами в некотором роде коллеги. Я служу в венгерской разведке. Наша служба безопасности поддерживает партнерские отношения с РСХА. Но я работаю в Берлине неофициально. Нет, нет, я не охочусь за секретами дру-

жественной Германии. Меня интересуют происки некоторых великих держав здесь у вас. Поймите, Венгрия маленькая страна, которая ценит дружбу с Германией. Наш адмирал Хорти и фюрер – единомышленники. Но иногда происходят события, которые угрожают существованию венгров. Мы всей душой поддержали политику фюрера по борьбе с большевизмом. Поссорились с Москвой. Каков же был удар для нас, когда в 1939 году фюрер заключил договор о дружбе со Сталиным. Для Германии такая перемена курса была пустяком, мы же оказались в одиночку на обочине российско-германского автобана. Как вы полагаете, господин Лемке, это справедливо? – озабоченно спросил «коллекционер».

«Так вот почему он показался мне знакомым», – с опозданием озарило Лемке. Он вспомнил рассказы бывалых оперативников о том, что разведчик разведчика всегда интуитивно почувствует.

– Вы со мной не согласны? – переспросил «Эстерхази».

– В какой-то мере ваши опасения обоснованы, – с трудом выдавил Лемке. Он уже понял, что столкнулся с очень опытным и опасным человеком, с которым ухо надо постоянно держать остро. Лемке никак не мог понять, к чему клонит собеседник.

– Теперь представьте, – гнул свою линию «коллекционер». – Венгрия со всем пылом занимает враждебную позицию по отношению к Англии, с которой братская Германия воюет, и Америки, поддерживающей Англию. И вдруг вновь

окажется, что за нашей спиной фюрер сговорится с ними, а мы опять окажемся крайними. Подобное огорчительное развитие событий мне необходимо вовремя заметить. Вы могли бы помочь в этом. Вы ведь работаете в отделе по борьбе со шпионажем.

Лемке побагровел от негодования и заявил, что служебных дел он касаться не собирается.

– Ну что вы, ради бога, лезете в бутылку! – успокаивающе сказал «коллега». – Мы друзья и единомышленники, служим одному и тому же делу. Ваша несущественная помощь маленькой дружественной стране не может быть превратно истолкована. Потом и каких-либо усилий от вас не потребуются. Только небольшие консультации о том, как себя ведут в Берлине американцы и английская агентура. И все это небезвозмездно. Те суммы, которыми я располагаю, сравнимы со стоимостью украденных вами книг. И заметьте, вам не надо будет пускаться в мелкое жульничество, где вы обязательно попадетесь. С другой стороны, извлечь небольшую прибыль из дела, в котором вы являетесь специалистом, – это разумный ход расчетливого человека. Все так делают, кому судьба предоставляет удобный случай.

Лемке отлично понимал, что его банально вербуют, и все его нутро контрразведчика восставало против этого. Особенно неприятно было выслушивать подобные предложения от представителя затерянной в дебрях Европы мелкой нации.

«А что, дружок, тебе больше бы понравилось получить такую пилюлю от англичан? – вступил в дискуссию его внутренний голос. – Вот это была бы действительно катастрофа».

«Конечно, – лихорадочно размышлял Лемке, – в той упаковке, в которой преподносится предложение, все выглядит не так уж трагично». В конце концов, он всегда может оправдать свое поведение тем, что немного неосмотрительно наболтал лишнего в беседах с коллегой из дружественной страны. Ну, такой уж он недалекий человек. «Тем более что и в отделе многие так считают», – с озлоблением подумал он. Но перспектива регулярно получать кругленькие суммы за необременительные «консультации» упорно вытесняла все другие возражения.

«Все равно надо как-то урегулировать вопрос с похищенными книгами», – уговаривал его внутренний голос.

«Все, – решил Лемке. – Надо любой ценой быстрее выбраться отсюда, чтобы в спокойной обстановке разобраться во всем».

– Вы правильно решили, – вывел его из оцепенения возглас «Эстерхази», который как будто читал его мысли. – Игра стоит свеч. Только не считайте меня наивным простачком, которому вы скажете уверенное «да», получите свои деньги и мы разбежимся на все четыре стороны. Мы говорили с вами пока вообще, вокруг да около. А вдруг у вас и не будет тех сведений, которые меня интересуют? Вот, например, не припомните ли вы какие-либо контакты между германскими

и англо-американскими разведками в последнее время?

Лемке вспомнил возню Крюгера с Пайнсом и подумал, что пройдоха венгр уже что-то пронюхал об этом и проверяет, насколько честно гестаповец готов сотрудничать с ним.

– Вы чертовски проницательны, – выдавил из себя Лемке. – Действительно, «Служба Риббентропа» затеяла какую-то игру с американской разведкой.

– Вот видите, – оживленно подхватил «коллега». – Я был прав.

Глава 3

Выбор сделан

С трудом подбирая слова и при заинтересованной поддержке венгра, Лемке постепенно рассказал, что Крюгер хочет установить контакт с американским разведчиком Пайнсом. Вербовать его он не собирается, получить какую-либо информацию не сможет, за это гестаповец может ручаться. Скорее всего, Крюгер собирается подсунуть американцу какую-то дезу. Сейчас он крутится вокруг Марты Лоингер, племянницы агента Пайнса Тило Хавемана, арестованного гестапо. Видимо, он хочет использовать ее для выхода на американца. О каких-либо других сведениях на американском направлении Лемке не осведомлен.

– А за что конкретно арестовали Хавемана? – задумчиво осведомился «Эстерхази».

– Он передал Пайнсу одну часть особо секретного плана Верховного главнокомандования «Морской лев» по высадке вермахта на Британские острова, – нехотя разъяснил Лемке.

– Тогда логично было бы заключить, что «Служба Риббен-тропа» попытается подсунуть американцам дезинформацию, которая будет опровергать этот план, – предположил венгр.

– В том-то и дело, что Крюгер хочет продвинуть Пайнсу вторую часть подлинного плана, – возразил гестаповец.

«Эстерхази» заметил, что, видимо, затевается какая-то хитрая интрига, и попросил немца собрать дополнительную информацию, естественно, за приличное вознаграждение. «Коллеги» завершили беседу бокалом коньяка, и Лемке, расстав по карманам деньги, покинул злосчастный магазин.

После его ухода Штефан и Арним обсудили итоги беседы.

– Магнитофонная запись получилась хорошего качества, – заметил Арним. – Теперь наш «букинист» никуда от нас не денется.

Но Штефана сильно заинтересовала суэта германской разведки.

– Как ты думаешь, зачем немцам понадобилось подсовывать американцам подлинные сведения о подготовке нападения на Британские острова?

Арним пожал плечами:

– Если рассуждать сугубо логично, то передача подлинных данных о такой операции может свидетельствовать только о том, что на самом деле никакой операции не будет. Англичан просто хотят напугать и склонить к уступкам.

– Может быть, оно и так, – согласился Штефан, – но, заранее зная все подробности предстоящего вторжения, Англия может хорошо подготовиться и, наоборот, склониться к отражению атаки. Кроме того, ты упускаешь из виду, что подбрасывают документы не англичанам, а американцам. Следовательно, хотят каких-то действий от Вашингтона. Каких?

– Есть и еще один вариант, – продолжил размышления

Арним. — Вся эта возня может быть лишь одним из этапов более широкой операции. Передавая американцам подлинные данные, немцы стараются убедить их в том, что и последующие документы от Пайнса будут настоящими. Вот они-то и будут серьезной дезинформацией.

— Да, как написал русский царь на докладной о продаже Аляски, «эту мысль надо сообразить». Я тебя попрошу, Арним, проинструктируй тщательно Марту о поведении с Крюгером. Все, что он попытается передать через нее Пайнсу, как ты сам понимаешь, сначала должно побывать у нас. А мне надо возвращаться в Зальцбург.

Обменявшись рукопожатиями, партнеры расстались.

Часть VI

В интригу ввязывается Марта

Глава 1

Отзывчивый фронтовик

Часа в четыре пополудни в квартире Марты раздался телефонный звонок. Незнакомый мужчина представился подполковником вермахта Гансом Нагелем, сослуживцем ее дяди. Нагель привез Марте письмо от Хавемана, которое просил разрешения вручить по возможности сегодня, поскольку должен в ближайшее время вернуться из Берлина к месту службы. Договорились, что он зайдет к Марте через час. Перспектива появления в квартире незнакомого мужчины вывела Марту из повседневной депрессии. Она быстро привела в порядок разбросанные вещи и, раскрыв шкаф, стала решать очень важную для любой женщины проблему – что надеть. Потом последовал легкий макияж и прочие мелочи. Поэтому звонок в дверь застал ее в определенной мере врасплох.

На пороге появился худощавый военный с грубоватыми чертами лица в серой полевой форме. Марта не разбиралась в армейских атрибутах, но ее успокоило хотя бы то, что незнакомец не носил черный эсэсовский мундир. Уви-

дев Марту, Крюгер удивился, насколько она была хороша. Мелькнула мысль, что после окончания операции неплохо было бы заняться ею поплотнее. И тут же обругал себя. Он давно усвоил, что, если хочешь привлечь нужного тебе человека на свою сторону, нельзя в общении с ним думать о нем плохо. Каким-то неведомым образом многие люди, особенно женщины, чувствуют это и настораживаются.

Марта заметила, что ее привлекательность произвела впечатление на вошедшего. Она уже привыкла к подобным взглядам мужчин. Но в глазах приятеля своего дяди появилось какое-то неприятное для нее сальное выражение. Девушка даже инстинктивно прижала руку к горлу, как бы защищаясь. Крюгер заметил этот жест и выругал себя еще раз. Надо было срочно разрядить обстановку. Гость изобразил смущение и неловкость:

– Уважаемая фройляйн! Простите меня за солдафонские манеры. Просто мы с вашим дядей уже полгода сидим в грязной польской дыре. Блеск берлинской жизни, от которой я уже почти отвык, да и встреча с такой красивой девушкой, как вы, несколько выбили меня из привычной колеи.

Марта смягчилась. Она убрала руку от горла и гостеприимно пригласила его присесть в уютное кресло. Психологический контакт, как показалось разведчику, был установлен. Дальше нужно было вести беседу по разработанному плану, в общем-то, заниматься привычным рутинным делом.

Гость с нотками сочувствия в голосе сообщил, что до дя-

ди дошли известия о несчастье, постигшем отца девушки. Дядя переживает по поводу того, есть ли у нее друзья или хорошие знакомые, которые могли бы помочь и поддержать в трудное время. Такой логичный в данной ситуации вопрос преследовал важную цель – детально уточнить близкие связи девушки. Возможно, кто-то из них не попал в поле зрения гестапо и мог влиять на поведение Марты. Девушка скупно с горечью обрисовала свое положение. Крюгер выслушал ее с неподдельным сочувствием, чем даже немного растрогал ее. Она расслабилась и охотно начала рассказывать о себе и своих переживаниях. Тем более что, оказавшись в одиночестве, она подспудно радовалась возможности выговориться. Разведчик своими заинтересованными репликами поддерживал это стремление, ненавязчиво возвращая беседу к вопросу о близких знакомых. Девушка рассказала о подружках по университету и молодом человеке, которые отвернулись от нее. Только у нее уже было готово сорваться с языка имя доброго дядюшки Арнима, но она вспомнила о запрете упоминать его, и оборвала свой рассказ на полуслове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.